

A portrait of a man, Alexey Ivanov, wearing a blue knit hat and a red scarf, looking slightly to the left. The background is a crumpled topographic map with various contour lines, colors (green, brown, blue), and text labels in Cyrillic. The title is overlaid on the map.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ГЕОГРАФ
ГЛОБУС
ПРОШЛ

История о счастливом и свободном человеке

Алексей Викторович Иванов

Географ глобус пропил

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124073

Иванов, Алексей Викторович Географ глобус пропил : роман: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077667-2, 978-5-17-077788-4

Аннотация

Прозаик Алексей Иванов (р. 1969) с раннего детства живёт в Перми; автор романов «Общага-на-Крови», «Блуда и МУДО», «Сердце Пармы», «Золото бунта», а так же историко-публицистических книг, среди которых «Хребет России», «Message: Чусовая», «Увидеть русский бунт»; лауреат премии «Ясная Поляна».

«Географ глобус пропил» – «это роман вовсе не о том, что весёлый парень Витька не может в своей жизни обрести опору, и не о том, что молодой учитель географии Служкин влюбляется в собственную ученицу. Это роман о стойкости человека в ситуации, когда нравственные ценности не востребованы обществом, о том, как много человеку требуется мужества и смирения, чтобы сохранить “душу живую”, не впасть в озлобление или гордыню, а жить по совести и любви». *(Алексей Иванов)*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	37
Глава 17	40
Глава 18	44
Глава 19	47
Глава 20	50
Глава 21	53
Глава 22	56
Глава 23	59
Глава 24	62
День первый	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Иванов

Географ глобус пропил

Это мы – опилки.
Станислав Лем

Глава 1

Глухонемое козлице

– Конечная станция Пермь-вторая! – прохрипели динамики.

Электричка уже подкатывала к вокзалу, когда в вагон вошли два дюжих контролёра – один с ближнего конца, другой с дальнего, чтобы отсечь пути к бегству. Пассажиры заволновались, а небритый, помятый молодой человек, сидевший у окна, даже не оглянулся.

– Ваш билет, ваш билет, – однообразно повторяли контролёры, оборачиваясь то направо, то налево и медленно двигаясь к точке randevу посреди вагона.

За окном плыли багажные перроны, составы на запасных путях, семафоры, будки, штабеля шпал. Сверху мелькали решётчатые конструкции каких-то перекрытий. Молодой человек разглядывал всё это очень внимательно и никак не реагировал на то, что процесс разделения пассажиров на агнцев и козлиц скоро зацепит и его. Многочисленные агнцы сидели тихо и горделиво, с затаённым достоинством, а немногие козлицы, краснея, доставали кошельки платить штраф или же, поднятые с мест, скандалили, увлекаемые на расправу.

– Ваши билеты, – сказал контролёр, останавливаясь напротив отсека, где сидел безучастный молодой человек.

Две бабки, помещавшиеся напротив него, суетливо протянули свои билеты, давно уже приготовленные и влажные от вспотевших пальцев. Контролёр глянул на билетики и злобно укусил каждый из них маленькой никелированной машинкой. Девушка, сидевшая рядом с молодым человеком, не глядя подала свой билет, и контролёр с ревнивой въедливостью прокусил и его. Молодой человек по-прежнему смотрел в окно.

– Ваш билетик, молодой человек, – сказал контролёр, нервно пощёлкивая никелированными челюстями.

Молодой человек даже не оглянулся.

– Эй, парень, – переставая щёлкать, окликнул контролёр.

Обе бабки с ужасом уставились на гордого безбилетника.

– Парень, не слышишь, да? – с угрозой спросил контролёр.

Два пленных козлицы за спиной контролёра злорадно взирали на молодого человека, не отрывавшегося от созерцания товарных вагонов на дальнем пути. Над этими вагонами мирно покачивались ветви тополей, уже слегка тронутые желтизной.

Контролёр протянул руку и постучал своей кусательной машинкой по плечу молодого человека. Тот быстро обернулся и непонимающим взглядом обвёл раскрывших рты бабок, свирепеющего контролёра, взволнованных козлиц.

– Билет есть? – прорычал контролёр.

Молодой человек тревожно поглядел на его губы, потом на девушку, которая вздрогнула, соприкоснувшись с ним взглядами. Затем молодой человек вытащил из карманов руки и сделал несколько быстрых, плавно переливающихся один в другой жестов перед своим лицом, коснувшись пальцем края рта и мочки уха. Ещё раз оглядев ошеломлённых зрителей, молодой человек вежливо кивнул и отвернулся обратно к окну.

– Чего он?.. – растерянно спросило одно из козлиц.

– Глухонемой, – шёпотом с уважением сказала бабка, сидевшая от глухонемого подальше.

Девушка напряглась, будто рядом с ней был не глухонемой, а вовсе покойник.

Контролёр не знал, что делать. К нему подошёл напарник, сгуртовав две кучи козлиц в одну.

– Всё? – спросил он.

– Ну, – кивнул первый. – Только вон этот глухонемой.

– И что? Без билета, что ли?

– Да как ты у него узнаешь?..

– А плюнь ты на него, – посоветовал напарник и громко распорядился: – Ну-с, господа безбилетники, пройдёте на выход.

Электричка затормозила, динамик невнятно загнусавил.

Пассажиры облегчённо зашевелились, поднимаясь с мест. В тамбуре зашипели разъезжающиеся двери. Одна из бабок ласково потрогала глухонемого за колено и, странно помахав рукой, громко сказала, участливо улыбаясь:

– Приехали!..

Глухонемой кивнул и встал.

На привокзальной площади было людно и тесно: громоздились автобусы, толклись у ларьков очереди, возле пригородных касс клубились дачники, навязчивые таксисты бодро кричали каждому второму: «Куда ехать?», одинокий певец надтреснутым голосом уверял спешащую публику в том, что не такой уж и горький он пропойца. Утреннее небо над вокзалом поднималось хрустальной призмой – пустое и бледное, как экран только что выключенного телевизора.

Глухонемой посмотрел на вокзальные часы, зябко поёжился и пошагал к ближайшему киоску. Вытягивая шею с небритым горлом, он через чужие плечи что-то высмотрел на витрине, достал из кармана смятую купюру и протиснулся к окошку.

– Бутылку пива, и откройте сразу, – хрипло сказал он.

Глава 2 Географ

Дымя сигаретой и брэнча в кармане спичечным коробком, бывший глухонемой, он же Виктор Служкин, теперь уже побритый и прилично одетый, шагал по микрорайону Новые Речники к ближайшей школе. Над ним в вышине то и дело вспыхивали окна многоэтажек, отчего казалось, что солнечный шар покрыт щербатинами мелких сколов. Из какого-то двора доносились гулкие выстрелы выбиваемого ковра.

Школа высилась посреди зелёного пустыря, охваченного по периметру забором. За спиной у неё лежала асфальтированная спортплощадка, рядом с которой торчали одиночные корабельные сосны, чудом уцелевшие при застройке нового микрорайона. Справа от входа громоздилась теплица – ржавое скелетообразное сооружение без единого стекла. Широко раскрытые окна тоскующе глядели в небо, будто школа посылала кому-то молитву об избавлении от крестных мук предстоящего учебного года. Во дворе сновали ученики: скребли газоны редкозубыми граблями, подметали асфальт, таскали в теплицу носилки с мусором. За дальним углом курили старшеклассники, в каком-то кабинете играла музыка, на крыльце орали друг на друга мелкие двоечники, которые вытаскивали сломанную парту и застряли с нею в дверях.

В свежепокрашенном вестибюле Служкин спросил у уборщицы имя-отчество директора, отыскал директорские покои на втором этаже, постучался и вошёл. Директор был высоким, грузным, лысеющим мужчиной в золотых очках. Он помещался за широким столом, а напротив него, разложив бумаги, сидела красивая полная женщина.

– Я по поводу работы, – пояснил Служкин. – Вам учителя не нужны?

– М-м?.. – удивился директор и кивнул на стул. – Присаживайтесь...

Служкин с достоинством уселся у стены. Женщина, с которой беседовал директор, оказалась обращённой к Служкину спиной, и это вызвало у неё видимое даже по спине раздражение. Однако развернуться в менее тициановский ракурс она не пожелала, а для Служкина другого места в кабинете не имелось.

– И какой предмет вы можете вести? – спросил директор.

– Ботанику, зоологию, анатомию, общую биологию, органическую химию, – не торопясь перечислил Служкин.

– Вы где-то учились? – через плечо спросила женщина.

– Биофак Уральского университета.

Спина стала ещё более недоброжелательной.

– У нас уже есть учителя по всем этим предметам.

Служкин молчал, фотогенично улыбаясь. Женщина начала нервно перебирать свои бумаги. Наконец директор засопел и раскололся:

– Географию-то у нас некому вести, Роза Борисовна...

– Почему некому? Нина Петровна уже дала своё согласие.

– Она же пенсионерка, и у неё и так уже полторы ставки.

– Но мы не можем брать человека, который не имеет педагогического образования и не знает предмета, – холодно заявила Роза Борисовна.

– Биология, природоведение, география – это почти одно и то же... – туманно заметил директор и смущённо потер нос.

– Нет, – твёрдо возразила Роза Борисовна. – Природоведение и экономическая география в девятых классах – это не одно и то же.

– Роза Борисовна, для меня не составит труда ознакомиться с этим предметом, – вкрадчиво сказал Служкин.

Красивая Роза Борисовна слегка покраснела от ярости, собрала свои листочки в идеально ровную стопку и ледяным тоном произнесла:

– Впрочем, вы директор, Антон Антонович, вам и решать.

– Я всего лишь администратор. – Директор сделал жест, в котором было что-то от реверанса, и даже дёрнул под столом коленями. – С педагогами работает завуч – то есть вы, Роза Борисовна. Я бы не хотел принимать решения, не заручившись вашей поддержкой.

Роза Борисовна снова разложила бумаги веером, а потом всё же обернулась на улыбавшегося по-прежнему Служкина.

– А вы представляете себе... э-э...

– Виктор Сергеевич, – услужливо подсказал Служкин.

Роза Борисовна мгновение помедлила, переваривая имя.

– Виктор Сергеевич, – губы её брезгливо вздрогнули, – что такое работа учителя? Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?

– Вообще-то представляю, – осторожно сказал Служкин.

– Я думаю, вопрос ясен, – вклинился директор, похлопав ладонью по столу. – За два дня до первого сентября нам, Роза Борисовна, другого учителя всё равно не найти. Пишите заявление, Виктор Сергеевич. Если что, мы вам поможем. Вот бумага и ручка.

Глава 3

Знакомство

В комнате на диване лежали раскрытые чемоданы. Надя доставала из них свои вещи, напяливая на плечики и вешала в шкаф. Рядом в нижнем ящике четырёхлетняя Тата раскладывала своих кукол. На письменном столе сидел большой пушистый серый кот и спокойно глядел на суету немигающими жёлтыми глазами. В проёме двери появился Служкин, вытирающий руки кухонным полотенцем.

– Надя, скоро восемь, Будкин придёт, – сказал он. – Может, на стол чего накроем?

– А я его не звала! – строптиво отозвалась Надя. – Тоже мне барин выискался – стол ему накрывай да наряжайся!.. Я ещё посмотрю, какой он. Больно он мне подозрителен...

– Просто он шпион американский. Он уже две автобусные остановки поджёт и вчера с балкона на милиционера плюнул.

– И фамилия у него дурацкая, – настаивала Надя.

– Какая рожа, такая и фамилия. А ты за него замуж собралась?

– Да я хоть за кого бы пошла, лишь бы от тебя избавиться!

Надя с досадой грохнула в шкаф плечиками. У неё было красивое надменное лицо с тёмными продолговатыми глазами и высокими славянскими скулами.

– Я думал, ты за лето отдохнёшь на даче, а ты всё такая же...

– А ты не зли меня и алкашей своих не подсовывай!

Тут в прихожей раздался звонок. Служкин взглянул на часы.

– Будкин точен, как свинья, – сказал он. – Точность – вежливость свиней, – и он пошёл открывать.

В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой человек атлетического сложения с римским носом, густыми бровями и коротко остриженными черными кудрявыми волосами. Надя и Тата вышли посмотреть на гостя.

– Знакомьтесь, – сказал Служкин. – Это Будкин, мой друг детства, а теперь ещё и наш сосед. Он в четвёртом подъезде квартиру себе купил, пока вы у бабушки гостили... Будкин, это Надя, моя жена. А это Тата, моя дочь. Это их я сегодня утром ездил на вокзал встречать... А это Пуджик, дикий зверь, его ты уже знаешь.

– Очень приятно, – протягивая Наде три розы, галантно сказал Будкин и приложился к ручке. – Много о тебе наслышан.

– Да и я... много наслышана, – мрачно ответила Надя.

Будкин присел на корточки и погладил по голове Тату, которая испуганно смотрела на него из-за маминой ноги.

– Я добрый, – сказал ей Будкин и достал шоколадку. – Держи.

– «Баунти»? – поинтересовался Служкин.

– Райское наслаждение, – подтвердил Будкин.

– Надя, а можно я всю сейчас съем? – спросила Тата.

– Половину, – распорядилась Надя. – А то зубы заболят.

– Снаружи шоколадка, а внутри кокос, – сказал Служкин. – Поначалу сладко, а потом понос.

Тата испуганно посмотрела на папу.

– Ешь-ешь, – ободрила её Надя. – Папа у нас дурачок.

– И вот ещё что я принёс, Надюша, – ласково добавил Будкин, извлекая бутылку ликёра. Надя хмыкнула, но приняла её.

– Ну проходи, – неохотно сдалась она. – Не в комнату, конечно, на кухню.

На кухне все расселись за пустым столом, и Надя открыла холодильник. На подоконник тотчас запрыгнул Пуджик, чтобы видеть, что станут есть. Он как-то мгновенно уже успел всем осточертеть: Тата об него запнулась, Служкин наступил на хвост, Надя чуть не прищемила ему голову дверцей холодильника, а Будкин едва не сел на него.

– Ты работу нашёл? – полюбопытствовал Будкин.

– Нашёл. Устроился учителем географии.

Будкин хехекнул с таким видом, будто сам он в этот день устроился на работу министром финансов.

– Хорош из тебя учитель будет, – саркастически заметила Надя.

– Ерунда, – отмахнулся Служкин. – В школе на меня всем плевать: хорош – не хорош, а вынь да положь. Если не найдётся желающих пред именем моим смиренно преклонить колени, я не удавлюсь.

– Ты, географ, хоть помнишь, кто открыл Северный полюс? – спросил Будкин.

– Нансен... – неуверенно сказал Служкин. – Или Амундсен. А может, Андерсен. У меня не эта география. У меня экономическая.

– Ты, когда чего-нибудь забудешь, главное – ври уверенно, – посоветовал Будкин. – Или по карте посмотри, там всё нарисовано.

– «По карте»! – хмыкнул Служкин. – Я сегодня кабинет принимал у завучихи, Угрозы Борисовны, так у меня там четыре наглядных пособия: глобус, кусок полевого шпата, физическая карта острова Мадагаскар и портрет Лаперуза. И всё!

– Тебе хватит, – ободрил Будкин. – А если выгонят за профнепригодность – так и быть, возьму тебя к себе секретутом.

– А кем ты работаешь? – спросила Надя, резавшая колбасу.

– Форточником, – хехекнул Будкин.

– Шутки как у моего мужа – такие же идиотские.

Будкин не смутился. Служкин напомнил Наде:

– Я же тебе рассказывал – у него с отцом своя фирма при станции техобслуживания. Он там обслуживает тех за деньги. Вон под окном его гроб на колёсиках стоит.

– Этот «Запор» у меня с фирмы, – навалившись на стену, вальяжно рассказал Будкин. – Так, дрянь. Грузы возить, по грязи кататься. А для города у меня «Вольво».

– А мы и такого не имеем! – с досадой кивнула в окно Надя.

– Ха! – возмутился Служкин. – Будкин ещё в школе у пацанов мелочь в туалете вытрясал! Он ворует! А я и виноват!

– Ты лентяй, Витус, – хехекнув, объяснил Будкин. – Идеалист и неумеха. Только языком чесать и горазд.

Он взял со стола бутылку ликёра и свернул с горлышка пробку.

– Витус, а чего покрепче у тебя нет? – спросил он.

Служкин сделал страшные глаза, кивнул на Надю, которая в это время отвернулась к плите, и изобразил удар в челюсть.

– Нету у нас водки! – безапелляционно заявила Надя.

Будкин указал себе пальцем в грудь, двумя пальцами сделал на столе бегущие ножки и поднял кулак с оттопыренным мизинцем и большим пальцем.

– Будкин, ты кого показал? – сразу спросила Тата.

– Киску, – сладко ответил Будкин.

Служкин тяжело вздохнул и виновато попросил:

– Давай, Надя, достанем нашу бутылку...

– Доставай, – подчёркнуто безразлично ответила Надя. – Ты же пьёшь, а не я, – чего спрашивать?

– Мы в честь знакомства, Надюша, – поддержал Будкин. – Верно, Таточка?

- Полчаса как познакомились, а уже «Надюша», «Таточка»...
- Служкин молча потянулся к шкафу и достал бутылку водки.
- Надя, не злись, сядь, – позвал он.
- Сердитая Надя подняла Тату, села на её место и пристроила дочку на колени.
- У нас денег на пьянку нет, – твёрдо сказала она, глядя в глаза Служкину, и персонально для Будкина добавила: – И не будет!
- Служкин печально погладил бутылку и изрёк:
- Доведёт доброта, что пойду стучать в ворота...

Глава 4

Достатки и недостатки

Водку допили, и Будкин ушёл. За окнами уже стемнело. Надя мыла посуду, а Служкин сидел за чистым столом и пил чай.

– Тут у крана ишачу, а ты пальцем не шевельнёшь, – ворчала Надя. – Живёшь от пьянки до пьянки, неизвестно о чём думаешь...

– Почему неизвестно? Известно. О тебе с Татой.

– Если бы обо мне думал, то взял бы да помог.

– Давай помогу, – согласился Служкин. – Отходи от раковины.

– Поздно уже, – мстительно ответила Надя. – Сразу надо было.

– Так я же Татку спать укладывал...

– Полтора часа? У меня она за пять минут засыпает.

– Я ей книжку читал – она слушала.

– Баловство всё это! – упорствовала Надя. – Изображаешь перед ней заботливого папочку, да? Был бы заботливый, так не таскал бы в дом кого попало, деньги бы не пропивал, сам бы как свинья не нажирался! Если бы я на Будкина не цыкнула, он бы и сейчас сидел!

– Ему на работу завтра, вот он и ушёл, а цыканья твоего даже не заметил. А если и заметил, так когда он захочет – ори не ори, будет пить до зари.

– Не понравился мне твой Будкин, – напрямик заявила Надя. – Самодовольный и ограниченный хам.

– Да тебе все не нравятся. Я – шут, Ветка – шлюха, Сашенька – дура, Будкин – хам...

– Как есть, так и есть, – отрезала Надя. – Что я сделаю, если у тебя все друзья с приветом? И где ты их только находишь?

– Я друзей не ищу, они сами находятся, – философски заметил Служкин. – С Будкиным я с третьего класса дружу. Зря ты на него навалилась. Он хороший, только его деньги и девки избаловали.

– Чего в нём найти можно? – Надя презрительно сморщилась.

– Как – чего? Квартира, машина и хрен в пол-аршина...

– А что – квартира, машина, деньги? – тут же взъелась Надя. – Они всем нужны! Чего в этом такого особенного?

– Вот и я думаю – чего ж в них такого особенного?..

– Если тебе ничего не надо – это твои проблемы! – закричала Надя. – Только про меня с Татой ты подумал?

Служкин предусмотрительно промолчал.

– Каждая женщина имеет право пожить по-человечески – с квартирой, с машиной, с деньгами! И нет в этом ничего зазорного! Уж лучше бы я за какого богатого вышла – хоть пожила бы в своё удовольствие! А с тобой за эти пять лет я чего видела, кроме работы и коляски? Зря я маму послушала – надо было аборт делать! Всю жизнь ты мне изломал! Чего ты мне дал, кроме своих прибауток и поговорок? Дай мне сперва квартиру, машину и деньги – а потом я посмотрю, нужно это или нет! А хаять-то все горазды, у кого нет ни хрена!..

– Ну, квартира вроде бы есть... – робко пробормотал Служкин.

– Есть? – воскликнула Надя, разворачиваясь лицом к нему. – Эта конура, что ли? Да и она на твоих родителей записана!

– А я что сделаю? – развёл руками Служкин.

– Ну сделай что-нибудь! Ты же мужчина!

– Э-э... пойду-ка я, пожалуй, на балкон покурить, – сказал, вставая, Служкин. – А ты успокойся, Надя. Всё будет хорошо.

– Иди! Кури! – с отчаяньем крикнула Надя и загромыхала посудой.

Служкин ретировался на балкон и курил там, пока Надя не улеглась в постель. Служкин на цыпочках прокрался в комнату. Тата громко сопела в кроватке, выставив из-под одеяла пухлую ножку. Надя уткнулась лицом в стену, в старый потёртый ковёр, пропахший пылью и Пуджиком. Служкин поправил Тате одеяло, тихонько разделся, лёг к Наде и осторожно провёл рукой по её боку.

– О господи... – сказала Надя.

– Я соскучился... – извиняясь, прошептал Служкин.

Надя тяжело вздохнула, не оборачиваясь.

– Послушай, – вдруг произнесла она. – Давно хотела тебе предложить. Давай со всем этим закончим. Так будет честнее. Мне этого не надо, и я тебя совсем не хочу.

– А я тебя хочу.

– Лучше найди себе любовницу, только чтобы я не знала.

– Я не хочу искать...

– Тебе нич-чего, – Надя с чувством выделила слово, – нич-чего в жизни не хочется...

Ну и мне от тебя ничего не надо.

– Ты ведь говорила, что любишь меня...

– Никогда такой глупости не говорила. И вообще я устала. Я хочу спать. Иди лучше на диван, там просторнее.

– Ладно, – поднимаясь с кровати, покорно согласился Служкин. – Завтра все образуется. Утро вечера мудренее.

– Не мудренее, – жёстко ответила Надя.

Глава 5

Зондеркоманда

Кабинет географии был совершенно гол: доска, стол и три ряда парт. Служкин стоял у открытого окна и курил, выпуская дым на улицу. Дверь была заперта на шпингалет. За дверью бушевала перемена.

В коридоре рядом с кабинетом зазвучал топот и гомон, кто-то подёргал дверь, раздались шлепки брошенных на пол портфелей.

- Изнутри закрыто, – прозвучало за дверью.
- Там сидит, козёл.
- Блин, щёлка узкая, не посмотреть...
- Баскакова, ты географа нового видела? Какой он?
- Да уж побаше тебя...

Кто-то явно изменённым голосом противно закричал в замочную скважину:

- Географ, открывай, хуже будет!..
- Рыжий, постучи ручкой, как завучиха стучит.
- Сам стучи. Чего, шестого нашёл, да?
- Ты, блин, скотина, чего мою ручку-то берёшь?..

В дверь резко и чётко отстучали ручкой. Затем настала тишина – школьники ждали. А затем грянул звонок на урок.

Дверь распахнулась, едва только Служкин сдвинул шпингалет. В класс с рёвом, воплями и грохотом ринулась толпа девятиклассников. Впереди прорывались пацаны, пихая друг друга и выдёргивая из давки портфели. Служкин молча сел за свой стол. Девицы, проплывавшие мимо него вслед за пацанами, с интересом оглядывали нового учителя. Девицы в основном были крупные, а пацаны мелковаты, как ранняя картошка, но среди них попадались редкие экземпляры величиной со Служкина.

Служкин ждал, пока все рассядутся. Школьники орали, деля парты. Наконец сплошной гвалт перешёл в сдержанный гомон, и весь класс ожидающе уставился на учителя. Служкин поднялся.

- Что ж, здравствуйте, девятый «вэ», – сказал он.
- Привет! – запищали с задних парт.

– Я вижу, класс у вас развесёлый, – заметил Служкин. – Давайте знакомиться. Меня зовут Виктор Сергеевич. Я буду вести у вас географию весь год...

- А чо не Сушка? – крикнули с задних парт. – Сушка баше!..

– Комментарии оставьте при себе, – предупредил Служкин. – Иначе комментаторы вылетят за дверь.

На комментаторов угроза не произвела никакого впечатления.

- Для уроков вам будет необходима общая тетрадь...

- Тетра-адь?.. – дружно возмутились девицы с передних парт.

– Да, общая тетрадь, – подтвердил Служкин. – Для того, чтобы записывать свои умные мысли. Или глупые. Какие есть, в общем.

- А у нас никаких нет!..

- Раньше тетрадей не нужно было!..

– Я, нафиг, не буду заводить, и все дела! – заявил маленький рыжий носатый парень с хриплым пиратским голосом.

Голос этот звучал в общем хоре с первой секунды урока и не умолкал ни на миг.

- Не будем заводить! – орали с задних парт. – Идите в баню!..

– Ти-ха!! – гаркнул Служкин. – Закрывать рты!!

Гам, как рожь под ветром, волной приугас, пригнулся и тотчас вырос снова. Служкин отважно ринулся между рядов к гудящей галёрке и сразу врезался ногой в чью-то сумку, лежащую в проходе.

– Пакет-то чо пинаете! – злобно рявкнула какая-то девица.

– Убери с дороги! – огрызнулся Служкин.

– Новый купите, если порвали... – нагибаясь, пробурчала девица.

Служкин двинулся дальше, но гам, стоящий в кабинете, не имел эпицентра, который можно было бы подавить, чтобы замолчала и периферия. Вокруг Служкина волоклась аура относительной тишины, со всех сторон овеваемая шумом. Служкин обежал парты и вернулся.

– Есть староста класса? – грозно спросил он.

– Нету! – ликующе завопила галерка. – Есть! Мы все старосты!

– Ергин староста, – выдал рыжий и носатый.

– Ергин, встань! – купился Служкин.

Никто не встал, но все головы развернулись к неведомой точке.

– Ергин! – тоном выше повторил Служкин.

– Вставай, тебе говорят! – услужливо закричали несколько голосов. – Вставай, козел, оглох, что ли?

С задней парты в проход упал пацан, выпихнутый соседом. Служкин ждал, пока он поднимется. Пацан был щуплым, с откровенно кретиническим лицом. Он застенчиво улыбался и бормотал: «А чо я-то?.. Чо я?..» Галёрка ржала.

– Сядь! – с ненавистью велел Служкин и схватил со стола классный журнал. – Ладно, девятый «вэ», – сказал он. – Сейчас я прочитаю список класса, а вы меня поправляйте, если я буду неправильно произносить фамилии... Агафонов!

– Патефонов! Телефонов! Солдафонов! – поправляли Служкина.

– Градусов!

Девятый «вэ» взревел от восторга.

– Только вякните чего, уроды! – заорал рыжий и носатый с хриплым голосом. Но за его спиной пацан уже разинул рот, и рыжий, развернувшись, врезал ему кулаком в бровь. Пацан повалился назад, руша собою и две парты с визжащими девицами.

Служкин грянул журналом о стол.

– Встать всем!!!

Девятый «вэ» криво и вразнобой поднялся.

– Задние парты тоже!!! – гремел Служкин. – Подравнять ряды!!! Сесть!!! Встать!!! Сесть!!! Встать!!!

Глава 6

Воспитание без чувств

– Вы что, курили здесь, Виктор Сергеевич? – спросила Угроза.

– Э... – растерялся Служкин. – Я в окно... Окно открывал...

– Виктор Сергеевич, я попрошу вас больше никогда не курить в кабинете. Это школа, а, извините, не пивная. И вообще, попрошу вас не показываться ученикам с сигаретой. Наши дети и без того достаточно распухлены, чтобы ещё и учителя подавали им дурной пример. Как у вас прошёл урок в девятом «вэ»?

Роза Борисовна медленно оглядела кабинет: сдвинутые парты, стоящие в полном беспорядке стулья, мятые бумажки на полу.

– Отвратительно, – мрачно признался Служкин.

– А в чём дело? – ненатурально удивилась Роза Борисовна.

– Никакой дисциплины не было, – пояснил Служкин.

– Учителя говорили мне, что у вас весь урок в кабинете был какой-то шум. Отчего же у вас не было дисциплины? Вы – учитель новый, дети к вам не привыкли, должны робеть и сидеть смирно.

– Чего-то вот не заробели...

– Видимо, Виктор Сергеевич, вы сами в этом виноваты. Дисциплина на уроке всегда зависит от педагога. А педагог – это человек, который не только знает свой предмет, но и умеет других заставить его знать. Это умение приобретается лишь в специальном высшем учебном заведении – педагогическом институте. Если вам не довелось обучаться там, то и не стоит браться за дело, которое вы заведомо не сможете сделать.

– У меня создалось впечатление, что девятый «вэ» просто невозможно удержать, – заявил Служкин. – Это какая-то зондеркоманда...

– Это ваше сугубо личное впечатление. У других педагогов вопросов с дисциплиной в девятом «вэ» не возникает. Дети как дети.

– Я старался... – начал оправдываться Служкин. – Сперва увещевал, потом орал... Не хотелось ставить двойки в первый же урок...

– Двойки надо ставить за отсутствие знаний у ученика, а не за отсутствие подготовки у учителя. А орать, как вы выразились, нельзя ни в коем случае. Дети и дома испытывают достаточно стрессов. Школа должна корректировать недочёты родительского воспитания, а не повторять их и тем более не усугублять.

– Школа не воспитательный дом, а я учитель, а не нянька, – возразил Служкин. – Когда в классе тридцать человек и все стоят на ушах, то нельзя скорректировать чье-то воспитание. Проще этих нескорректированных изгнать, чтобы остальных не переисправили.

– Вы сказали, что здесь не воспитательный дом, а школа? – разозлилась Угроза. – И вы, Виктор Сергеевич, считаете, что лучший способ обучения ребёнка в школе – это выгнать его из класса? Странные у вас взгляды. Дети приходят в школу учиться, как вы заметили, а ваша задача – научить их. Как вам их учить – это дело вашего опыта и профессиональной подготовки, и ребёнок не виноват, если вы таковых не имеете. В конце концов, вам за ваше умение государство платит деньги, а вы, если говорить объективно, просто прикарманиваете их, когда выгоняете ребёнка за дверь. Я как завуч запрещаю вам подобные методы работы.

– Я понял, Роза Борисовна, – покорился Служкин. – А что, другие девятые классы такие же, как этот?

– Абсолютно.

– Что ж... – попробовал пойти на мировую Служкин. – Как говорится, первый блин комом...

– Нет, Виктор Сергеевич, – с ледяным торжеством осадила его Угроза. – Для школы такая установка неприемлема. Мы не можем себе позволить ни одного блина комом, тем более – первого.

Глава 7 Сашенька

После работы Служкин пошёл не домой, а в Старые Речники. Район был застроен двухэтажными бревенчатыми бараками, похожими на фрегаты, вытасченные на берег. Прощально зеленели палисадники. Ряды потемневших сараев стояли по пояс в гигантских осенних лопухах. Служкин вышел на крутой обрыв Камы и повернувшись наверх направился к судоремонтному заводу. Высокая облачная архитектура просвечивала сквозь тихую воду реки. Алые бакены издали казались рябиновыми листьями. Узкая дамба подковой охватывала затон с ржавым ожерельем понтонного моста на горле. Под ветвями старых высоких тополей на дамбе, отражаясь в коричневой стоячей воде затона, застыли белые теплоходы.

Краснокирпичное дореволюционное здание заводоуправления грозно вздымалось над крутояром, похожее то ли на Брестскую крепость, то ли на баню, то ли на обвитое жилами могучее сердце древнего мамонта. У входа в гуще акаций заблудился обшарпанный Ленин.

В конструкторском бюро, увидев Служкина, приоткрывшего дверь, какая-то женщина крикнула в глубину помещения:

– Рунёва, к тебе жених!

Служкин дожидался Сашу на лестничной площадке у открытого окна. Тихо улыбаясь, Саша прикурила от его сигареты. В Сашиной красоте было что-то грустное, словно отцветающее, словно красивой Саша была последний день.

– Чего ты так долго не заходил, Витя? – укоризненно спросила она. – Я по тебе так соскучилась...

– Закрутился, – виновато пояснил Служкин. – И школа эта ещё...

– Школа, география... – мечтательно сказала Саша. – Ты, Витя, всегда был романтиком... Амазонка, Антарктида, Индийский океан... Вот уехать бы туда от всей здешней фигни – осточертело всё...

Из затона донёлся гудок корабля.

– Чего у тебя новенького? – спросил Служкин.

– А чего у меня может быть? Ничего. – Саша пожала плечами и вздохнула. – С соседями по малосемейке ругаюсь да картошку чищу...

– Как ухагеры? Рыщут?

– Какие тут ухагеры? – усмехнулась Саша. – Один какой-то в последнее время клеится, да что толку?

– Нету толка, когда в заду иголка, – подтвердил Служкин. – А кто он, твой счастливый избранник?

– Мент, – убито созналась Саша.

– Какой позор! – с досадой сказал Служкин. – А как же я?

Саша, смеясь, уткнулась головой в плечо Служкину.

– Хорошо с тобой, Витя. – Она поправила ему воротник рубашки. – Рядом с тобой так легко... Расскажи, как там наши?

– Наши или ваши? – ехидно спросил Служкин.

Саша потёрлась виском о его подбородок.

– Ваши хорошо поживают, – сообщил Служкин. – Развлекаются, чаруют, деньги делают. Вчера зашёл к вашим и увидел у них под кроватью целый мешок пустых банок из-под пива – выбежал вон в слезах. Я тут недавно подсчёт произвёл: если мне не пить и не есть, а всю зарплату на машину откладывать, то я накоплю на «Запор» через сто пятьдесят

два года. А Наде, несмотря на весь её меркантилизм, Будкин всё равно не понравился даже со своим автопарком. Надя сказала, что он хам.

– Твоя Надя – умная женщина, – согласилась Саша.

– А она говорит, что дура, потому что за меня замуж вышла.

– Ну и что, что Будкин хам. Я это знаю. Но сердцу не прикажешь.

– Всё сохнешь? – серьёзно, с сочувствием спросил Служкин. – Зря, Сашенька. Если для тебя на Будкине свет клином сошёлся – так ведь клин-то клином и вышибают... Это большой намёк.

– А я ему письмо написала...

– Угу. И я определён в почтовые голуби, – догадался Служкин.

– И это тоже... – смутилась Саша и достала из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок. – Прочитай, пожалуйста, Витя... Мне очень важно знать твоё мнение... Прочитай вслух.

Служкин хмыкнул, взял листочек из её пальцев и развернул.

– «Я очень устала без тебя. Мне кажется, что наша ссора – недоразумение, случайность. Она возникла из пустяка. Если ты считаешь, что я виновата, то я согласна и прошу прощения. Ты мне очень дорог и нужен. Я тебя жду всегда. Приходи», – прочёл Служкин.

Саша внимательно вслушивалась в звучание собственных слов.

– Лаконично и поэтично, – сказал Служкин, складывая листок и убирая в карман. – Дракула бы прослезился. Но не Будкин.

– Считаешь, это бесполезно? – вздохнув, печально спросила Саша и задумчиво добавила: – Но ведь надо же что-то делать... Хоть бы ты, Витя, запретил мне это... Я бы тебя послушалась, честное слово. Ты же мой лучший друг.

– Дружбы между женщиной и женщиной не бывает, – назидательно изрёк Служкин.

– Ты мне расскажешь, как он отреагирует на письмо?

– Расскажу, – согласился Служкин. – Хоть сейчас. Начинать?

Глава 8

На крыше

– Недавно я Рунёву встретил, – лениво сообщил Служкин.

– Где? – так же лениво поинтересовался Будкин.

– А-а, случайно, – сказал Служкин. – У неё на работе.

Оба они, голые по пояс, лежали на расстеленных газетах посреди крыши. Они загорали на отцветающем солнце бабьего лета и пили пиво. Между ними стояла трёхлитровая банка и раскуроченная коробка из-под молока, заменявшая кружку. Над ними на шесте, как скелет мелкого птеродактиля, висела телевизионная антенна, которую они только что установили.

– Сашенька тебе письмо написала, – сказал Служкин.

– Не получал. Честное слово.

– Так она его через меня передала.

Служкин залез в карман джинсов, достал листочек и протянул Будкину. Будкин развернул его и стал читать, держа на весу перед глазами, солнцу на просвет. Читал он долго.

– Не ссорился я с ней нифига, – сказал он, опуская письмо. – Это она на меня обиделась. Когда я последний раз был у неё, то всякие планы развивал, как зимой буду на горных лыжах кататься. А её, естественно, не звал. Вот она и обиделась.

– А чего не звал-то? Трудно, что ли?

– Я бы позвал, так она ведь поехала бы, дура... А там одни ботинки как «Боинг» стоят. Где бы она на всё денег взяла? Явилась бы в каких-нибудь снегоступах на валенках... Меня бы там на базе все засмеяли.

Будкин приподнялся, выпил пива и повалился обратно.

– А дальше чего у вас с ней было?

– Ничего... Дальше я занят был, мне к ней в гости ходить было некогда. Вот она и решила, что я обиделся. Детский сад, короче.

– Так сходи к ней, – посоветовал Служкин.

Будкин задумчиво начал складывать из письма самолётик.

– Неохота, – признался он. – Надоело мне с ней. Человек она, конечно, хороший, но тоску на меня нагоняет. Придётся – у неё как «прощание славянки». Нагрустит – хоть экспортируй.

Будкин ловким точным движением запустил самолётик. Тот нырнул, вынырнул, полетел за край крыши по красивой нисходящей линии, пронёсся над жёлто-зелёным ветхим тряпьем берёзок в сквере и вдруг без видимой причины кувыркнулся вниз и исчез в тени, как в озере.

– Господин Будкин зажрался, – констатировал Служкин. – От такой чудесной девушки отказывается. Доиграется господин Будкин, точно. Имеет терема, а пригреет тюрьма.

Будкин захехекал.

– Рунёвой в тебя надо было влюбиться, Витус, – сказал он. – Вы бы друг другу идеально подошли.

– Я хоть к кому идеально подойду, – без ложной скромности ответил Служкин. – И отойду так же.

– Мне не такая девка нужна, – мечтательно произнёс Будкин, глядя в тёплое небо, которое незаметно, из глубины, словно бы начинало медленно промерзать на зиму. – Такая вот... – туманно сказал он и пошевелил пальцами. – Особенная...

– Такой большой, а в сказки веришь, – буркнул Служкин.

– Не-е, Витус, я не в сказки, я в жизнь верю. Это другие верят в сказки. Вот девки, что вокруг меня вьются, смотрят на меня как на какого-то Хоттабыча: мои бабки, хаты, тачки, свобода моя – для них какое-то Лукоморье. Потому они на меня и вешаются. А меня-то за всем этим не видят!

– А Сашенька видит.

– Рунёва наоборот. Она счастлива уже одним тем, чего моя мама родила. А я этим тоже не исчерпываюсь. Рунёвой всё равно: живи я хоть в шалаше с голой задницей, она всё равно любить будет. Только в шалаше я себя уважать бы перестал. В общем, ни с той, ни с другой стороны нет уважения к тому, что я в себе ценю больше всего: к моему умению жить.

– Что это за умение? Умение деньги сделать?

– Не только. С этим умением я организовал свою жизнь так, что ни от кого и ни от чего не зависю... завишу...

– «Не зависею». А чего ж в тебе, несчастном, тогда ценят?

– Саму жизнь ценят, Витус, а не умение жить. Следствие, а не причину. А мне нужна такая девка, чтобы все эти жизненные блага ценила, но не рвалась за ними и не плевала бы на них. Чтобы за шмотьём меня видела и уважала меня за то, что я могу его иметь. И пользовалась бы всем в меру – не переплачивала и не воровала. Короче, хозяйка мне нужна, а не грабительница и не обожательница.

– Ну-у, – скептически хмыкнул Служкин. – Давай ищи съеденные щи.

Вечером Служкин отправился в садик за Таточкой, но, отойдя от подъезда на пять шагов, вдруг свернул с тротуара и через ограждение полез в сквер. Забравшись в заросли поглубже, он осмотрелся, подпрыгнул и выдернул из листвы берёзки маленький бумажный самолёт.

Глава 9

Красная профессура

- Ну что, красная профессура, готовы? – бодро спросил Служкин.
Три передние парты по его настоянию были пусты.
- За передние парты с листочками и ручками садятся... – Служкин взял журнал: – Спехова, Старков, Кузнецова, Митрофанова и Кедрин.
- Служкин подождал, пока перечисленные рассядутся, и дал каждому по вопросу для индивидуальной проверочной работы.
- В вашем распоряжении двадцать минут. Не забудьте подписать листочки... Остальные открывают тетради и записывают тему урока: «Экономическое районирование СНГ».
- Опять писать!.. – заныл девятый «а». – На литературе писали, на иностранном, на алгебре...
- Опять, – строго подтвердил Служкин. – Иначе вы со своей болтовнёй ничего не услышите и ничего не запомните.
- А мы и так не запомним! – крикнул зловредный человек Скачков, открыл перед собой на парте чемодан-«дипломат» и улёгся внутрь.
- Давайте лучше, Виктор Сергеевич, мы весь урок будем сидеть молча, зато не будем писать, – улыбаясь, предложила красивая отличница Маша Большакова.
- Давайте лучше вы весь урок будете сидеть молча и будете писать, – внёс контрпредложение Служкин. – Скачков, ты чего уснул?
- А мне неинтересно, – нагло заявил из чемодана Скачков.
- А кому интересно? – удивился Служкин. – Мне, что ли?
- Так увольняйтесь, – с первой парты посоветовал верзила Старков, кандидат в медалисты.
- Кто ж тогда моих малых деток и старушку мать кормить будет? – спросил Служкин. – Ты будешь? Или давайте так: вы мне платите деньги, а я вас отпускаю с урока и ставлю всем пятёрки. Идёт?
- Идёт! – обрадовалась красная профессура.
- Тогда выкладывайте по штуке на парту – и свободны.
Денег у девятого «а» не оказалось.
- Значит, нечего спорить, – подвёл итог Служкин. – Я вот знаю экономическую географию – у меня деньги будут. А вы не знаете – у вас их и нет. Итак, продолжим. Смысл заголовка вам понятен?
- Нет, – нестройно отозвалась красная профессура.
- Тогда записывайте: «Экономическое районирование – это деление территории на экономические районы». Теперь ясно?
- Нет, – сказала красная профессура.
- Да всё им ясно, они выделяются, – сказала Маша Большакова.
- Больше будут выделяться – больше будут писать. Скачков, после уроков не забудь сдать мне тетрадку. Я в журнал тебе ставлю точку. Пишем: «Экономический район – это район с преобладанием одной отрасли производства в экономике». Вот у нас в Речниках какая доминирующая отрасль производства?
- Самогоноварение! – крикнул с первой парты Старков.
- Старков, ты пиши, а не языком чеши.
- Вдохновленная Старковым, красная профессура называла отрасли производства, за которые Речники надо было бы выжечь напалмом.

- Ну, завод у нас на Каме какой? – подсказал Служкин.
- Транспортное машиностроение, – подсказала Маша Большакова.
- Молодец, Маша, ставлю тебе точку, – одобрил Служкин.
- Ха! Машке Большаковой точку, и мне точку? – возмутился в чемодане Скачков. –

Несправедливо!

– Сейчас я тебе переправлю... – Служкин склонился над журналом.

– Не-не-не!.. – забеспокоился Скачков, вылезая наружу.

– Теперь откройте в учебниках карты номер два, три и пять, сравните их и попробуйте разделить территорию страны на экономические районы. Ну, вроде бы как вам подарили страну, а вы в ней налаживаете производство.

– А мы не хотим налаживать, – заявил Старков. – Мы страну сдадим в аренду иностранцам, пусть они и пашут.

– Уже десять минут прошло, а ты, Старков, писать ещё не начал.

– Да я вам этот вопрос за минуту напишу, – пообещал Старков. – Вопрос-то какой-то тупой... Зачем, Виктор Сергеевич, мы вообще учим эту ерунду, морально устаревшую сто лет назад?

– Возьми, Старков, у Шакировой учебник и посмотри в нём на последней странице фамилии авторов, – посоветовал Служкин.

Весь класс тотчас же начал заинтересованно изучать последнюю страницу, только Шакирова стучала кулаком в широкую спину Старкова.

– Есть среди фамилий авторов Служкин?

Красная профессура, растерявшись, снова перечитала список.

– Есть! – с последней парты на всякий случай крикнули двоечники Безматерных и Безденежных, которым полагалось бы находиться не в девятом «а», а в зондеркоманде.

– Нету меня, – игнорируя двоечников, сказал Служкин. – Тогда я не понимаю, Старков, почему ты задаёшь этот вопрос мне.

Красная профессура взволнованно загомонила, поражённая отсутствием Служкина среди авторов учебника.

– Хорошая отмазка, – одобрил Старков, презрительно перебрасывая учебник Шакировой.

– Итак, карты посмотрели, – продолжил Служкин. – Теперь по ним давайте попробуем назвать, например, сельскохозяйственные районы.

Красная профессура перечислила все районы, которые нашла, включая Крайний Север с вечной мерзлотой.

– Молодцы, два, – оценил Служкин. – Ставим цифру один, пишем маленький заголовок: «Сельскохозяйственные районы». Ниже ставим букву «а». Первый фактор, от которого зависит развитие в районе сельского хозяйства. Какой фактор вы можете назвать?

Скрипя, пробуксовывая, урок ехал дальше.

– Всё, время прошло, – наконец объявил Служкин, подходя к первым партам.

Старков сразу протянул густо исписанный листок. Красная от волнения Спехова что-то лихорадочно строчила. Милая глазастая троечница Митрофанова встала, подала бумажку и сказала:

– А я почти ничего не написала, Виктор Сергеевич.

– Плохо, Люся. Поставлю кол.

– Дак чо, вам же хуже, – усаживаясь на своё место, обиженно сказала Митрофанова. – Колы в журнал ставить нельзя. Придётся вам со мной после уроков сидеть, натягивать меня на тройку.

– А ты мне очень нравишься, Митрофанова. Ну, как девушка. Я с тобой после уроков с удовольствием встречаюсь.

Красная профессура ахнула, Маша Большакова смутилась, а двоечники Безматерных и Безденежных заржали.

– Вам для этого география и нужна, – саркастически заметил Старков. – Вы-то хоть на Люське женитесь, а нам география на что?

– Дурак, – сказала Митрофанова Старкову.

– Конечно, – согласился Служкин. – Вас в загсе никто не спросит о факторах размещения нефтедобывающей промышленности...

– Вот! – обрадовался из чемодана Скачков. – Чего тогда их учить?

– У нас вообще класс с гуманитарным уклоном, – пояснил Старков. – Зачем нам экономика? Мы будем вольные художники.

– Вольный художник – это босой сапожник, – возразил Служкин. – Всё умеет, ничего не имеет. Я тоже был вольный художник, а, как видите, без географии не прожил.

– А что вы делали? Стихи писали? – не унимался Старков.

– Маненечко было, – кивнул Служкин.

Двоечники Безматерных и Безденежных от смеха сползли вниз.

– А почитайте... – улыбаясь, попросила Маша Большакова.

– Да вы их знаете... – отмахнулся Служкин. – Они в учебнике литературы напечатаны.

Под псевдонимами.

– Ну почитайте! – заныла красная профессура. – Нам никто не читал!..

Служкин посмотрел на часы: пять минут до конца урока. Закончить новый материал он всё равно бы не успел.

– Хорошо, я почитаю, – согласился он. – Но тогда вы параграф изучите дома сами, а на следующем уроке по нему – проверочная.

Класс негодуяюще взвыл.

– Искусство требует жертв, – пояснил Служкин.

– Да ладно, чего вы! – обернувшись ко всем, крикнул Старков. – Подумаешь, проверочная! Напишем! Читайте, Виктор Сергеевич.

В кабинете воцарилась благоговейная тишина.

Служкин сел на стол.

– Этот стих я сочинил в девятом классе ко дню рождения одноклассника по фамилии Петров. Петров был круглый отличник, комсорг школы и всё такое. Называется стих «Эпитафия Петрову». Для тупых поясню: эпитафия – это надгробная надпись. Стих очень простой, смысла нет, рифмы тоже, смеяться после слова «лопата».

Помедли, случайный прохожий,
У этих гранитных плит.
Здесь тело Петрова Алёши
В дубовом гробу лежит.
Петров на общем фоне казался
Чище, чем горный снег,
И враз на него равнялся
Каждый плохой человек.
Но как-то однажды утром
На самом рассвете за ним
Пришёл предатель Служкин
И целая банда с ним.
Сказал ему Служкин: «За совесть,
За множество добрых дел
Окончена твоя повесть»

Последней главой “Расстрел”». Петров это выслушал гордо
И свитер порвал на груди:
«Стреляй же, империалистический агрессор,
От красных тебе не уйти!
А жизнь моя песнею стала,
Грядущим из рельсовых строк,
И на пиджаке капитала
Висит уже мой плевок!»
Поднял обрез свой Служкин
И пулю в Петрова всадил,
И рухнул Петров под грамотой,
Которой его райком наградил.
Застыньте, потомки, строем,
Склоните знамёна вниз:
Душа Петрова-героя
Пешком пошла в коммунизм!

Стихи красной профессуре страшно понравились, но вот проверочная работа на следующем уроке с треском провалилась.

Глава 10

Ветка

Служкин позвонил, и сначала за дверью было очень тихо. Потом почему-то раздался грохот, и дверь стремительно распахнулась.

– Привет, это я, твой пупсик, – входя, сказал Служкин.

– Витька-а!.. – закричала высокая девушка в мелких чёрных кудряшках и повисла у него на шее.

Служкин ногой захлопнул за собой дверь. В прихожую из комнаты вышел хмурый мальчик лет пяти.

– Здорово, Шуруп, – сказал Служкин, ссаживая девушку.

– Чего ты мне принёс, дядя Витя? – сразу спросил хмурый мальчик.

Служкин порылся в карманах куртки и вытащил пластмассового солдата – монстра с собачьей мордой, в шипах, в шлеме, с бластером.

– Ты мне такого уже дарил, только он был зелёный, как понос.

– Шурка! – крикнула мама. – Грубиян, весь в своего папашу!

– Ну давай обратно, – предложил Служкин. – Сам играть буду.

– Фиг, – подумав, ответил мальчик и ушёл в комнату.

Служкин начал снимать куртку и поинтересовался:

– А благоверный где?

– Колесников-то? На работе, где же еще?

– Слава богу, – сказал Служкин и вытащил из куртки бутылку.

– Витька! Ты ваще!.. – выхватывая бутылку, закричала девушка. – Портвяга! Я сто лет уже мечтала нажраться! Пошли!

Проходя в кухню, Служкин флегматично заметил:

– С одного флакона не нажрёмся, Ветка.

– А ты Татку из садика сюда приводи, а я пока ещё сгоняю. Татка же нормально с Шурупом играет...

– Нельзя, Ветка, – вздохнул Служкин, срезая пробку с бутылки.

– Жаль, – разливая портвейн по чашкам, призналась Ветка. – Ну, как там у тебя в школе? Молоденькие-то училки есть?

– Есть, да не про мою честь, – выпив и закурив, неохотно сказал Служкин. – Невесты без причинного места... Лучше ты рассказывай. Как там твой любовник-то? Всё ещё в кино тебя снимать хочет?

– Козлов-то? Козёл – он и есть козёл, – с чувством произнесла Ветка. – Я его уже послала, куда не ходят поезда. Я теперь, Витька, в другого влюбилась. В лётчика. Точнее, бывшего лётчика. Ему Колесников менял пьяные номера на обычные, он и пригласил в гости. Колесников меня с собой взял. Сам нарезался и упал под стол, а мы с этим лётчиком заперлись в ванной и трахались. Я чего-то боюсь, уж не залетела ли я тогда?..

– Хорошенькое дело – в ванной, – мрачно пробормотал Служкин. – Залетайте в самолётах «Аэрофлота»...

Из комнаты вдруг раздался басовитый рёв. Ветка чертыхнулась, вскочила и убежала. Служкин снова закурил и открыл окно.

Веткин дом стоял недалеко от берега Камы, от чёрного, мрачного котла затона. Служкин курил и смотрел, как мимо дебаркадера, мимо разведённого наплавного моста, словно бы брезгливо оскалившись, проплывает высокий и длинный речной лайнер, возвращающийся на стоянку после навигации. Лайнер медленно плыл под яростным золотом зарослей

на дамбе, от которого вода отмелей казалась древесного цвета, будто коньяк. Плыл мимо рыжих склонов, где валялся ржавый хлам: тросы, мятые бакены, какие-то гнутые и рваные конструкции, содранные с кораблей. Плыл мимо врытых в землю и обросших кустами цистерн, мимо старых брандвахт с яркими колечками спасательных кругов, мимо решётчатых портовых кранов и заводских корпусов с длинными закопчёнными трубами.

Вернулась Ветка, и Служкин выбросил окурок.

– Как там у вас дела с Надькой? – спросила Ветка, снова разливая портвейн.

– Всё чики-пуки, – сказал Служкин и, подумав, добавил: – Недавно порешили мы с ней прекратить наши постельные встречи, вот так. Ей неохота... да и мне неохота. Взяли и завязали.

– Хоба-на! – изумилась Ветка, вытаращив глаза. – И с кем ты?..

– Ни с кем.

– Нифига себе! – Ветка хлопнула полчашки портвейна. – А эта твоя дура, как ее... Ру... Ру... ну, Сашенька.

– Рунёва, – подсказал Служкин. – Она Будкина любит.

– Ну и что? – искренне не поняла Ветка.

– Да ну тебя... Не объяснить. Нет, и всё.

– Заведи любовницу, – посоветовала Ветка.

– Заведу, – согласился Служкин. – Тебя вот.

– А что? Классно! – оживилась Ветка. – Будем опять, как тогда, после школы, помнишь? Зашибись было! Ты не загружайся насчёт этого. Подумаешь! Наплюй. Я-то тебя люблю, Витька, честно. С седьмого... нет, с девятого класса. Я тебе позвоню, как только Колесников свалит куда-нибудь на подольше. Приходи – оторвёмся, как раньше!

– Приду, – кивнул Служкин. – Оторвёмся, конечно. Заедет и на мой двор «КамАЗ».

Глава 11

Лена

Серым утром Служкин вышел из подъезда, ведя за ручку Тату.

– Папа, а я не хочу в садик, – сказала Тата.

– А я хочу, – признался Служкин, останавливаясь прикурить. – Не понимаю, почему бы нам с тобой не поменяться?.. Ты будешь ходить за меня на работу?

– А там бьют? – поинтересовалась Тата.

– Бьют, – честно ответил Служкин. – А тебя в садике разве бьют?

– Меня Андрюша Снегирёв мучит. Щипает, толкает...

– Дай ему в рог, – посоветовал папа.

– Он Марине Петровне нажалуется.

– Тогда сама на него нажалуйся.

– Он ещё сильнее меня мучить будет.

– Да-а... – протянул Служкин. – Заколдованный круг. Ладно, я поговорю с его мамой.

Ты мне покажи её, хорошо?

Они остановились у перекрёстка, на котором лежало звездообразное озеро грязи. Посреди него в буром тесте сладострастно буксовала иномарка, выбрасывая из-под колёс фонтаны. Служкин взял Тату под мышки и перенёс на другой тротуар, высоко задирая колени.

– Папа, а ты мне купишь вечером жвачку с динозаврами?

– Куплю, – пообещал Служкин.

– А в зоопарке динозавры есть?

– Нету. Они вымерли давным-давно.

– А почему они умерли?

– Съели друг друга до последнего.

– А последний?

– Последний сдох от голода, потому что некого больше было есть.

– Папа, а они были злые?

– Да как сказать... – задумался Служкин. – По большей части они были добрые. Некоторые даже слишком. Но добрых съели первыми.

Служкин и Тата завернули в ворота садика, и Тата, вырвав ручку, побежала к дверям. В длинном голубом плащике и синей шапочке она была похожа на колокольчик.

Служкин вслед за Татой вошёл в раздевалку. Здесь была только одна мама, которая возилась с сынишкой. Служкин посадил Тату на стульчик, опустил на корточки и стал расшнуровывать ей ботинки.

Сзади подошёл мальчик с игрушечным пистолетом.

– Я тебя жаштрелю, – сказал он, наводя пистолет на Тату.

Тата испуганно глядела на Служкина.

– Андрюша, иди ко мне, – позвала мама, и мальчик отошёл.

– Папа, это Андрюша Снегирёв, – сказала Тата.

– М-м?.. – удивился Служкин. – Понятно теперь...

Он переделал Тату и убрал всё уличное в шкафчик с ёлочкой на дверке. Тата слезла со стула, Служкин поцеловал её в щёку, и Тата побежала в группу. Оттуда донёсся её звонкий крик:

– Марина Петровна, здравствуйте!..

Служкин подошёл к маме Андрюши Снегирёва и дружелюбно сказал:

- Бойкий у вас мальчик.
- Да уж... – ответила женщина, оборачиваясь.
- Лена?.. – изумлённо спросил Служкин.
- Витя?.. – растерялась женщина.

Она тотчас опустила голову, застёгивая сыну рубашку, но Служкин видел, как порозовели мочки её ушей. Поражённый, Служкин молчал.

- Беги, Андрюша, – сказала Лена и легонько шлёпнула сына.

Андрюша побежал в группу, по дуге обогнув дядю.

Лена и Служкин переглянулись и молча вышли на крыльцо.

- А ты, значит, теперь Снегирёва, а не Анфимова...

Лена виновато улыбнулась.

– А мне Андрюша говорил: «Тата Шушкина, Тата Шушкина»... Я думала, Шишкина или Сушкина...

- Или Пушкина. Сколько лет мы с тобой не виделись?

– Со школы, – тихо сказала Лена.

– А ты всё такая же красивая... – задумчиво произнёс Служкин. – Только располнела...

– А ты всё такой же грубиян, – ответила Лена.

– Извини, – смутился Служкин.

– Ничего, – Лена ласково коснулась рукой его локтя. – Это я после Оли начала толстеть.

– Какой Оли?..

– Дочки Оли. У меня ещё дочка есть. Годик с небольшим.

– Вот тебе и раз... – только и нашёл что сказать Служкин, но тотчас поправился: – То есть вот тебе и два...

Лена засмеялась. Голос у неё был нежный и слабый.

– Мне торопиться надо, Витя, – пояснила она. – Дома с Олей муж сидит, а ему на работу. Ну... до свидания.

Она ещё раз улыбнулась Служкину и пошла к воротам садика: светловолосая, ещё – ещё – симпатичная молодая женщина в дешёвом, мутно-бордового цвета плаще. Женщина, а не девушка и тем более не девочка, какой её знал, а потом помнил Служкин.

– Лена!.. – вдруг крикнул Служкин ей вслед, и она оглянулась. – Лен, мы же теперь каждый день встречаться будем?..

Какая-то мама, входившая в ворота садика, неприязненно посмотрела на Служкина. Лена молча наклонила голову и пошла дальше.

Глава 12

Отклонение от темы

Служкин проводил самостоятельную работу в девятом «бэ». Заложив руки за спину, он вкрадчивой походкой перемещался вдоль рядов.

– Бармин, окосеешь. Петляева, вынь учебник из парты. Тютин, не с той страницы списываешь. Пospelова, я у тебя уже две тетрадки отнял и третью отниму! Чебыкин, я тебе честно говорю, что у Смирновой сущая ерунда написана, так что не вертись. Деменев, ты и фамилию у Шахова тоже спиши – для честности.

На учительском столе высилась стопа конфискованных учебников и тетрадей. Быстро развернувшись, Служкин рявкнул:

– Рукавишников, если ещё раз попытаешься украсть тетрадь с моего стола, сразу поставлю единицу, ясно?

Класс шумел, шептался, ёрзал. На доске белели два столбика вопросов для самостоятельной: вариант «а» и вариант «бэ».

– Время! – наконец объявил Служкин и стал бесцеремонно выдирать листочки прямо из-под рук ожесточённо строчивших учеников.

Собрав работы, Служкин раскрыл журнал и сказал:

– Ну а теперь выясним, как надо было отвечать на вопросы. Первый вариант, первый вопрос – Пospelова.

Наугад вызывая девятиклассников, Служкин с трудом добился всех ответов, выставил десять оценок и спросил:

– И кто же на все вопросы ответил правильно?

Над макушками девятого «бэ» косо поднялась единственная рука.

– Овечкин – пять, – сказал Служкин, выводя в журнале пятёрку, а листочек отдавая Овечкину. – Вы дураки, – дружески пояснил он всем. – В плечах аршин, а на плечах кувшин. Вы же понимаете, что я ещё всех вас не запомнил. Ну так за одной партой и писали бы вдвоём один вариант. Уж на тройку-то натянули бы.

– Так вы бы сразу сказали, Виктор Сергеевич!.. – обиженно закричал девятый «бэ».

– Что я, себе враг, – усмехнулся Служкин.

– А мы с Демоном так и сделали! – счастливо смеясь, сообщил Шахов, и Служкин, ухмыляясь, тотчас выставил двойки Шахову и Деменеву в журнал.

– Дураков на сказки ловят, – под хохот класса пояснил он. – Итак, записываем тему урока: «Исторически сложившиеся экономические регионы России».

Изнывая и сетуя, девятый «бэ» склонился над тетрадями.

– А вы, Виктор Сергеевич, сами-то бывали там, про где нам рассказываете? – недоверчиво спросил Чебыкин.

– Кое-где бывал.

– А на этом Чёрном море, про которое пишем, бывали?

– Чёрное море большое, – резонно заметил Служкин.

Девятиклассники начали выкрикивать названия черноморских городов, в которые затесались Юрмала и почему-то Красноярск.

– Виктор Сергеевич, а свозите нас всем классом куда-нибудь на юг! – попросил неугомонный Чебыкин. – Вы же географ!

– Не-ет, братцы, – отказался Служкин. – Юг нам сейчас не по карману...

– Ну, куда по карману, – согласился девятый «бэ». – В поход какой-нибудь... Вы ведь наверняка в походы ходите?

– Бывает, – кивнул Служкин.

– А сколько килограммов рюкзак вы можете поднять? – расширив глаза, спросила Пospelова.

– Ну, килограммов триста, – небрежно ответил Служкин.

– А в какие походы вы ходите? – поинтересовался дотошный и обстоятельный Бармин по кличке Борман. – Пешком, в горы или по речке?

– Люблю по речкам сплавливать.

– У нас физичка тоже в походы ходит, – сообщил Тютин. – Она обещала нас сводить, только не сводила.

– Виктор Сергеевич, сводите нас в поход!.. – нестройно и умоляюще заныли девятиклассники. – Сводите, Виктор Сергеевич!.. Ну пожалуйста! Сводите!.. Пока тепло, на речку!..

– А школа? – озадачился Служкин.

– Да нас отпустят! Только рады будут избавиться!..

– Ну, я подумаю... – неуверенно согласился Служкин.

– Нет! – отчаянно закричал девятый «бэ». – Физичка тоже подумала! Вы точно обещайте! Мы вам всю географию выучим! Мы весь поход писать будем молча, как у Розы Борисовны! Только обещайте!

– Давайте об этом после уроков поговорим, – пошёл на компромисс Служкин. – Мне же надо вам ещё новый материал рассказать...

– Не хотим! Не хотим географию! – орали со всех сторон. – Расскажите нам лучше про походы, в которые вы ходили!..

– А исторически сложившиеся экономические регионы?

– Мы дома сами по учебнику прочитаем!..

– Мне однажды девятый «а» уже обещал нечто подобное и надул меня, как Кутузов Наполеона.

Возмущённый рёв прокатился по классу.

– По девятому «а» людей не судят, – значительно произнёс Овечкин.

– Ладно, сделаем так, – всё-таки сдался Служкин. – Вы читаете учебник и во вторник пишете самостоятельную. Вопросы будут сложные, на понимание. Кто напишет на пять – тех беру в поход.

Он вздохнул, сел на свой стол и начал рассказывать, как переворачиваются в стремнине байдарки и пороги валами смывают экипаж с катамарана, как по весне вздувшиеся реки прут через лес, как зарастают лопухами летние перекаты, как скрипят над головами старые деревянные мосты, как парусят на ветру палатки, как ночами горят красные костры на чёрных крутых берегах, как в полдень воздух дрожит над раскалёнными скалами, как в напряжённых руках сгибается в гребке весло и какая великая даль видна с вершины любого прибрежного утёса. Это была самая интересная география и для Служкина, и для всех прочих. Прозвенел звонок, и девятиклассники тучей облепили служкинский стол, забрасывая Служкина вопросами о походе.

– Потом! Потом! – отмахивался Служкин.

– Виктор Сергеевич, вот список тех, кто пойдёт в поход. – Овечкин просунул между чужих локтей мятую бумажку с фамилиями.

– Во вторник узнаем, кто пойдёт, – сварливо ответил Служкин.

Глава 13

Отлучение от мечты

В понедельник после первой смены в кабинете физики проходил педсовет. Служкин явился в числе первых и занял заднюю парту. Кабинет постепенно заполнялся учителями. В основном это были пожилые тётеньки с добрыми лицами и женщины средних лет с размашистыми движениями и сорванными голосами. Пришли физрук и две физручки – все трое похожие на лошадей, одетые в спортивные костюмы, со свистками на груди. Молоденьких учительниц тоже было порядком, но в их облике не хватало какой-то мелочи, отчего даже самые симпатичные из них вызывали желание лишь крепко пожать им руку.

Вошёл директор, блестя очками. Затем, беседуя одновременно с двумя или тремя учителями, вплыла Роза Борисовна. Все расселись, шум голосов затих, и только педсовет начался, как в дверь постучали. Угроза тихо закипела.

– Прошу прощения, – направляясь вдоль стены вглубь класса, хладнокровно сказала опоздавшая учительница.

– Педсовет для всех начинается в одно и то же время, Кира Валерьевна, – ледяным тоном сказала Угроза.

Служкин с интересом уставился на Киру Валерьевну, которую до сих пор ещё не встречал в учительской. Строгий чёрный костюм и отточенная, презрительная красота Киры Валерьевны не оставляли сомнения в её праве опоздать на минуту, на час, на год на все педсоветы мира. Кира Валерьевна села за соседнюю со служкинской парту и невозмутимо раскрыла перед собой яркий журнал мод.

Служкин не слушал, что говорили Угроза и директор. Он смиренно сложил руки и глядел в окно. За окном стоял холодный осенний день и была видна лишь бесконечная линия верхних этажей длинного высотного дома. Его крыша, как ватерлиния, отсекала нижнюю часть сизого облака, которое медленно ехало вдоль небосклона. Облако напоминало авианосец, и на фоне этого дрейфа профиль Киры Валерьевны выглядел особенно выразительно.

От созерцания профиля Служкина оторвало собственное имя, произнесённое Розой Борисовной. Служкин перевёл взгляд.

– ...вопрос с дисциплиной тоже стоит довольно остро, – говорила Угроза. – Я понимаю, что Виктор Сергеевич не имеет никакого опыта педагогической деятельности. Но ведь уже прошёл определённый срок, что позволяет спросить о результатах. Учителя в соседних кабинетах жалуются на постоянный шум в кабинете географии.

Кабинет географии находился в тупике коридора, а рядом с ним был только кабинет истории. Историчка сидела со страдальческим выражением лица и не глядела на Служкина.

– На уроках географии стиль общения учителя с учениками весьма фриволен, – продолжала Угроза. – Учитель, не соблюдая дистанции, держит себя наравне с учениками, вступает в перепалки, сидит на столе, отклоняется от темы урока, довольно скабрёзно шутит, читает стихи собственного сочинения...

Среди учителей послышался шум и смешки. Служкин окаменел скулами, глядя в никуда, но краем глаза увидел, что профиль на фоне авианосца на некоторое время превратился в анфас.

– Естественно, что подобное поведение учителя провоцирует и учеников. Следствие того – катастрофическое падение дисциплины и очень слабая успеваемость. А в пятницу мне сообщили, что в ближайшем будущем Виктор Сергеевич планирует ещё и туристический поход с девятым «бэ». Причём посоветоваться с администрацией он не счёл нужным. Но как можно допустить этот поход? Я не ставлю под сомнение туристический опыт Виктора

Сергеевича, но если у него в путешествии будет такая же дисциплина, как в школе, то это может закончиться катастрофой. Я не дам добро на подобное мероприятие.

Разделав Служкина, Угроза переключилась на другую тему. Озлобленный багровый Служкин еле дождался конца педсовета и сразу ринулся к Угрозе.

– Свои аргументы я уже изложила, – холодно сказала ему Угроза.

– Тогда, Роза Борисовна, изложите их и тем ребятам, которые собирались пойти со мной, – отчаянно заявил Служкин. – Я не хочу в их глазах быть, как они говорят, Обещалкиным по вашей вине.

Роза Борисовна осмотрела Служкина с головы до ног.

– По – вашей – вине, – отдельно произнесла она. – И если вы не нашли в себе мужества посоветоваться о походе со мной, то найдите его, чтобы самому расхлебать кашу, которую, извините, заварили.

– С вами я не посоветовался потому, что обещал взять в поход лишь тех ребят, кто напишет на пять самостоятельную, а самостоятельная будет только завтра, – пояснил Служкин. – И я не идиот, чтобы брать в поход тех, кто не станет мне подчиняться.

– Даже если они напишут самостоятельную на пять?

– Они напишут её на такую оценку, на какую мне будет нужно. Завышать оценку я не собираюсь, но занижить можно всегда.

– У вас интересный подход к оценкам. Боюсь только, что он идёт вразрез с традиционным. Но, видимо, вы его активно применяете, если судить по количеству двоек по вашему предмету.

– Количество двоек по географии у всех классов – или у девятого «вэ», который вы имеете в виду, – не имеет отношения к моему походу с десятью-пятнадцатью учениками из девятого «бэ».

– Ошибаетесь, Виктор Сергеевич. Успеваемость по предмету всегда зависит от учителя. Не бывает хороших учителей, у которых все ученики двоечники, поверьте моему опыту. Следовательно, низкий уровень успеваемости говорит о том, что вы – плохой педагог. И этим походом я не хочу создавать плохому учителю ложную популярность. Благо, вы в этом преуспели и без турпоходов.

Глава 14

Мясная порода мамонтов

Будкин сидел за рулём и довольно хехекал, когда «Запор» особенно сильно подкидывало на ухабах. Тарахтя задом, «Запор» бежал по раздолбанной бетонной дороге. Параллельно бетонке тянулись рельсы, и некоторое время слева мелькали заброшенные теплушки. За ними влажной сизой полосой лежала Кама. Небо было белое и неразличимое, словно его украли, только полупрозрачные столбы света, как руины, стояли над просторной излучиной плеса. В текучем и водянистом воздухе почти растворился дальний берег с бурными кручами песка и косой фермой отшвартованной землечерпалки. На реке бледно розовел одинокий бакен.

Бетонка и рельсовый путь вели на завод. Уже началась дамба, и справа от дороги в голых низинах блестели плоские озёра на заливных лугах. В этих озёрах заканчивался рукав затона. Заросли кустов и редкие деревья вдоль обочины стояли голые, прохудившиеся, мокрые от холодной испарины утреннего тумана.

Служкин и Надя сидели на заднем сиденье «Запора». Надя держала Тату, одетую в красный комбинезон, а Служкин читал газету, которой была закрыта сверху сумка, что стояла у него на коленях.

– Будкин, – раздражённо сказала Надя. – Если ты на шашлыках будешь пить, я обратно с тобой не поеду. Пойду с Татой пешком.

– Фигня, – хехекнув, самоуверенно заявил Будкин. – Я по этой дороге полным крестом миллион раз ездил. К тому же чего мне будет с двух бутылок красного вина на троих? Это Витус сразу под стол валится, когда я только-только за гармонь хватаюсь.

– Ну скажи ему что-нибудь, папаша! – Надя гневно взглянула на Служкина, и Служкин виновато вздохнул.

– Пишут, что в бассейне Амазонки нашли секретную базу фашистов времён Второй мировой, – сказал он.

– И чего там на ней? – поинтересовался Будкин. – Секретные фашисты?

Будкин лихо свернул на грунтовый съезд, уводящий в кусты.

– Цистерна, а в ней семнадцать тонн спермы Гитлера.

– К-кретин!.. – с бессильным бешенством выдохнула Надя.

«Запор» продрался сквозь акацию и, весь облепленный серыми листьями, точно камуфляжем, выехал на площадку у берега затона. Площадку живописно огораживала реденькая роща высоких тополей. Площадка была голая и синяя от шлака. Посреди неё над углями стоял ржавый мангал, валялись ящики. Вдали в затоне виднелся теплоход – белый-белый, вплавленный в чёрную и неподвижную воду, просто ослепительный на фоне окружающей хмари, походивший на спящего единорога. Все вылезли из машины: Будкин ловко вынул Тату, а Служкин долго корячился со своей сумкой.

– Ну и чего здесь хорошего? – мрачно огляделась Надя.

– Традиция у нас – есть шашлыки тут, – пояснил Будкин. – Летом тут хорошо, травка всякая. Мы без трусов купаемся – никого нет.

– Только на это у вас ума и хватает...

– Надя, а мы приехали? – спросила Тата.

– Приехали, – убито вздохнула Надя.

Тата присела и начала ковырять лопаткой плотно сбитый шлак.

– Так, – деловито распорядился Будкин. – Сейчас я, как старый ирокез, пойду за дровами, а ты, Надюша, доставай мясо из уксуса и насаживай на шампуры.

– Я тебе домохозяйка, что ли? – возмутилась Надя.

– Надю-ша, не спорь! – игриво предостерег её Будкин, обнимая за талию и чмокая в щёку. – Мужчина идёт за мамонтом, женщина поддерживает огонь.

– Кто тут мужчина-то? – с презрением спросила Надя.

– Поговори мне ещё! – прикрикнул на неё Будкин. – Хоу!

Он метнул в тополь маленький туристский топорик. Топорик отчётливо тюкнул, впиваясь в ствол. Будкин нырнул в машину, включил на полную мощность встроенный магнитофон, а затем развинченной боксёрской трусцой, не оглядываясь, побежал за топориком и в рощу.

– Хам, – заметила Надя, подняла сумку и понесла к мангалу.

– Папа, а песок не копается, – сказала Тата.

– Да бес с ним... Пойдём лучше на корабли смотреть, – предложил Служкин. – Давай садись мне на шею.

– Не урони её! – издали крикнула Надя.

С Татой на плечах Служкин перебрался по дну промоины у берега, вышел на тракторную колею и двинулся к кораблям.

– Папа, а куда Будкин пошёл?

– На охоту за мамонтом. Он его на шашлык порубит, мама пожарит, и мы съедим.

Мамонт – это слон такой дикий, волосатый.

– А ему больно будет?

– Нет, что ты, – успокоил дочку Служкин. – Он специальной породы – мясной. Когда его на шашлык рубят, он только смеётся.

– А почему мы его не видели, когда на машине ехали?

– Ты не видела, а я вот видел. Они все мелкие, шашлычные-то мамонты, – размером с нашего Пуджика.

– А Пуджика можно на шашлык порубить?

– Конечно, – заверил Служкин. – Только для этого его надо долго откармливать отборными мышами, а он у нас ест одну лапшу и картошку.

Служкин дошёл до ближайшего катера. Катер лежал на боку, уткнувшись скулой в шлаковый отвал – словно спал, положив под щёку вместо руки всю землю. Красная краска на днище облупилась, обнажив ржавчину, открытые иллюминаторы глядели поверх головы Служкина, мачты казались копьями, косо вонзёнными в тело сражённого мамонта.

– А что корабли на земле делают? – спросила Тата.

– Спят. Они как медведи: на зиму засыпают, выбирают на берег и спят. А весной проснутся и поплывут – в Африку, на реку Амазонку, на Южный полюс. А может, и в Океан Бурь.

– А мы на них будем плавать?

– Обязательно, – заверил Служкин.

С Татой на плечах он поднялся повыше по осыпи. За катером на мелководье лежала брошенная баржа, зачерпнувшая воду бортом, как ковшем. За баржей тянулись стапеля и груды металлолома. Темнели неподвижные краны. Заводские корпуса были по случаю воскресенья тихие и скучные. Вдали у пирса стояла обойма «Ракет», издали похожих на свирели. В чёрной неподвижной воде затона среди жёлтых листьев отражалась круча берега с фигурной шкатулкой заводоуправления наверху.

Служкин посмотрел в другую сторону и увидел, что мангал уже дымится, а Будкин и Надя рядышком сидят на ящике. По жестикуляции Будкина было понятно, что он рассказывает Наде о чём-то весёлом. По воде до Служкина донёсся Надин смех. Непривычный для него смех – смех смущения и удовольствия.

Глава 15

Кира Валерьевна

Служкин сидел в учительской и заполнял журнал. Кроме него в учительской проверяли тетради ещё четыре училки. Точнее, проверяла только одна красивая Кира Валерьевна – водила ручкой по кривым строчкам, что-то черкала, брезгливо морщилась, а три другие училки – старая, пожилая и молоденькая – болтали.

– Я вчера, Любовь Петровна, в очереди простояла и не посмотрела шестьдесят вторую серию «Надеждою жив человек», – пожаловалась пожилая. – Чего там было? Урсула узнала, что дочь беременна?

– Нет, ещё не узнала, – рассказала старая. – Письмо-то Фернанда из шкатулки выкрала. Аркадио в больницу попал, и пока он был на операции, она его одежду обшарила и нашла ключ.

– Так ведь Хосе шкатулку забрал к себе...

– У него же эта... как её?..

– Ребека, которая Амаранту отравила, – подсказала молодая.

– Вот... Ребека же у Хосе остановилась под чужим именем, а он её так и не узнал после пластической операции.

– Почему? Он же подслушал её разговор с Ремедиос...

– Он только про Аркадио успел услышать, а потом ему сеньор Монкада позвонил и отвлек его.

– Я бы на месте Аркадио этого сеньора на порог не пустила, – призналась пожилая.

– Это потому, что мы, русские, такие, – пояснила старенькая. – А они-то нас во сколько раз лучше живут? Там так не принято.

– А что лучше? – возмутилась молодая училка. – Фернанда – простая медсестра, а у неё квартира какая?

– Она же на содержании у этого американца, – осуждающе заметила старенькая.

– Я бы и сама пошла на такое содержание, – мечтательно заметила молодая. – Кормит его одними обещаниями, и больше ничего...

Служкин закрыл журнал, поставил в секцию и начал одеваться.

На улице уже темнело, накрапывал дождь, палая листва плыла по канаве, как порванное в клочки письмо, в котором лето объясняло, почему оно убежало к другому полушарию. Служкин закурил под крышей крылечка, глядя на светящуюся мозаику окон за серой акварелью сумерек.

Сзади хлопнула дверь, и на крыльцо вышла Кира Валерьевна. В одной руке у неё была сумка, раздутая от тетрадей, в другой руке – сложенный зонтик.

– Подержите, пожалуйста, – попросила она, подавая Служкину сумку.

– Тяжёлая, – заметил Служкин. – Может, вам помочь донести?

– Я близко живу.

– Это как понять?

– Как хотите, – хмыкнула Кира Валерьевна, выпалив зонтом.

– Хочу вас проводить, – Служкин выбросил окурок, и тот зашипел от досады. – Давайте мне и зонтик тоже, а сами возьмите меня под руку.

Кира Валерьевна, поджав губки, отдала зонтик и легко взяла Служкина под локоть. Они сошли с крыльца.

– Отгадайте загадку, – предложил Служкин. – Моя четырёхлетняя дочка сочинила: открывается-закрывается, шляпа сломается. Что это?

– Зонттик, – сухо сказала Кира Валерьевна. – Я бы не подумала, что у вас уже такая взрослая дочь...

– Так что ж, человек-то я уже пожилой... – закричал Служкин. – А у вас кто-нибудь есть? Сын, дочка, внук, внучка?..

– То есть вам интересно, замужем я или нет?

– А разве найдётся какой-нибудь мужчина, чтобы ему это было неинтересно, особенно если он красив и умён чертовски?

Кира Валерьевна снисходительно улыбнулась.

– Не замужем, – вызывающе сказала она и посмотрела на Служкина.

– Я так и надеялся. А какой предмет вы ведёте?

– Немецкий.

– Когда-то и я изучал в университете немецкий, – вспомнил Служкин. – Но сейчас в голове осталось только «руссиш швайн» и «хенде хох». Не подскажите, как с немецкого переводится сонет «Айне кляйне поросёнок вдоль по штрассе шуровал»?

Кира Валерьевна засмеялась.

– Вы что, литературу ведёте?

– Географию, прости господи.

– Точно-точно, припоминаю. – Она скептически кивнула. – Что-то про вас говорили на педсовете... Стихи вы какие-то, кажется, ученикам читали, да?

– Жёг глаголом, да назвали балаболом, – согласился Служкин.

– В самокритичности вам не откажешь.

– Посмеяться над собой – значит лишить этой возможности других, – назидательно изрёк Служкин. – Это не я сказал, а другой великий поэт.

Они остановились у подъезда девятиэтажного дома.

– Мы пришли, – Кира Валерьевна забрала сумку и зонттик. – Спасибо.

– А мы ещё, Кира, вот так же прогуляемся? – спросил Служкин.

– А разве мы пили на брудершафт?

– А разве это трудно? – улыбнулся Служкин.

– Что ж, дальше будет видно, – усмехнулась Кира. – Как хоть тебя?.. Витя? До свидания, Витя.

Она развернулась и вошла в подъезд.

Глава 16

Пробелы в памяти

Служкин в длинном чёрном плаще и кожаной кепке, с чёрным зонтом над головой шагнул в садик за Татой. Небо завалили неряшливо слепленные тучи, в мембрану зонта стучался дождь, как вечный непокой мирового эфира. Служкин не полез через дыру в заборе вокруг садика, как он обычно делал, а чинно обошёл забор и вступил на территорию с главного входа. Под козырьком крылечка он увидел Лену Анфимову с Андрюшей.

– Привет, – сказал Служкин. – Вы чего здесь стоите?

– Да вот зонтик сломался, – виновато пояснила Лена. – Теперь ждём, когда дождь пореже станет...

– Ну, к зиме распогодится, – пробормотал Служкин, поглядев на небо. – Давай я вас под своим зонтом провожу.

– Может, Тату сначала заберёшь? Нам на остановку надо...

Служкин посмотрел на часы.

– Успею ещё, – заверил он. – Времени завались.

Он подставил локоть. Лена, улыбнувшись, взяла его под руку. Они неторопливо двинулись к воротам. Лена вела Андрюшу.

– Расскажи мне, Лен, как хоть ты поживаешь, – попросил Служкин. – А то ведь я так ничего и не знаю.

– Да мне, Витя, нечего рассказывать. – Лена пожала плечами. – Нету у меня ничего интересного. Как замуж вышла, так из декрета в декрет и с утра до вечера готовлю, стираю, глажу, прибираю, за Олей и Андрюшей смотрю... Я уж и сама стала забывать, что я человек, а не машина хозяйственная... В кино уже три года не бывала...

Лена не жаловалась, просто рассказывала так, как есть.

– Могу сводить тебя в кино, – бодро заявил Служкин, ещё не перестроившись на слова Лены. – С превеликим удовольствием...

– Нет, Витя, я же не напрашиваюсь... – Лена помолчала. – Мне некогда, да и перед мужем неудобно.

– А кто у тебя муж? Какие у вас отношения?

Служкин отдал Лене зонтик, подхватил Андрюшу, перенёс его через канаву по мосткам и подал Лене руку. Лена оперлась о неё тяжело, неумело, как о перила.

– Он у меня работает шофёром. Дома мало бывает – всё возится с автобусом. А отношения?... Какие они могут быть? Пока Андрюша не родился, так что-то ещё имелось. А сейчас оба тянем лямку. Тут уж не до отношений. Живём спокойно, ну и ладно. Поздно уже что-то выгадывать, да и разучилась я...

– Денег-то он много зарабатывает? – наивно спросил Служкин. – Я слышал, водители просто мешками их таскают.

– А я слыхала, что учителя, – сказала Лена, и они рассмеялись.

– А вышла ты по любви? – напрямик спросил Служкин.

Лена, вопреки обычному, не смутилась. Видимо, для неё это было так же далеко, как двойки по рисованию.

– По любви. Только какая разница теперь?

– Лен, скажи, – помолчав, попросил Служкин, – а чем у тебя кончился тот школьный роман с Колесниковым?

– Разве ты не знаешь? – удивилась Лена. – Ты же дружишь с Веткиной... Хотя, в общем, и рассказывать тут нечего, – Лена пожала плечами. – Ничем. Дружили после школы полгода,

потом он в армию ушёл. Я сначала писала ему, ждала. Потом забывать начала. Потом с Сашей познакомилась – с будущим мужем. Вот так. А Колесников тоже не особенно переживал. На моей свадьбе напился, всем надоел своими армейскими историями, к каждой девчонке приставал...

– А ведь мы всем классом с таким благоговением относились к твоему роману с Колесниковым! Как же, десятиклассник, на машине ездит – и нашу Ленку Анфимову любит!..

– Только к машине вы и испытывали уважение, – улыбнулась Лена. – Глупые все были... Сейчас у мужа автобус целый, ну и что?

– Н-да-а... – протянул Служкин. – Как-то всё это... Вроде бы когда-то огромное значение имело, а оказалось – ерунда. И остаётся только грустно шутить. Ты же самая красивая девочка в классе была... Все думали, что ананасы в Париже кушать будешь...

Лена чуть покраснела.

– Да и про тебя, Витя, думали, что станешь великим поэтом...

– Гм, гм, – смущённо покашлял Служкин. – Метили в цари, да попали в псари... А я ведь, Лен, так в тебя влюблён был...

– Я знала, – засмеялась Лена. – Да и весь класс знал.

– И тебе не жалко меня было, когда ты с Колесниковым крутила?

– Нет, – мягко сказала Лена. – Тогда ведь казалось, что всего ещё сколько угодно будет. Не ценили, когда любят. Маленькие были.

Они шли вдоль рожицы старых высоких сосен, вклинившейся в новую застройку. Подлесок здесь был вытоптан детьми и собаками. Андрюша, пользуясь тем, что внимание мамы отвлекает дядя с зонтиком, брёл по лужам, поднимая сапогами чёрные буруны. Показалась автобусная остановка – голая площадка на обочине шоссе.

– Я вас посажу на автобус, – сказал Служкин.

Они молчали, глядя в призрачную, дождливую перспективу дороги, откуда в брызгах, шипя, вылетали легковушки и проносились мимо, кубарем закручивая морось. Служкин переложил зонт в другую руку и чуть приобнял Лену, словно хотел её немного согреть.

– Андрюша, встань ко мне поближе, – велела Лена, подтаскивая сына за руку. – У тебя и так капюшон уже промок...

– А помнишь, как нас четыре года Чекушка сватала? – спросил Лену Служкин. – Всегда сажала за одну парту...

Лена слабо улыбнулась.

– Скажи, Лен, а вот тогда, на дискотеке, ты меня вправду поцеловала или случайно в темноте ткнулась?

– Не помню, – удивлённо сказала Лена и засмеялась. – Витя, а это не ты подсунил мне в портфель записку на Восьмое марта?

– И я не помню, – честно ответил Служкин. – А ты помнишь, как на День Победы нам вдвоём давали читать «Жди меня»?..

– А ты помнишь?..

Лена медленно менялась: усталость и покорность уходили с её лица, и в глазах что-то затеплилось, как солнце за глухими тучами. К Лене даже вернулось почти забытое школьное кокетство – она искоса лукаво глянула на Служкина, как некогда глядела, проходя мимо него в школьном коридоре. Служкин и сам оживился, стал смеяться, жестиковать и даже не заметил автобуса.

Они одновременно замолчали, с какой-то обидой глядя на открывающиеся двери. Лена сникла. И вдруг Служкин наклонил зонтик вперед, отгораживаясь им от автобуса, как щитом, и смело прижался губами к холодным и твердым губам Лены, забыто вздрогнувшим в поцелуе.

– Иди, – сказал он. – Мы ведь ещё увидимся...

Покачивая толстым задом, автобус уполз по шоссе. Служкин задумчиво пошагал обратно. Он шагал минут пять. Вдруг он встрепенулся, быстро захлопнул зонтик и бросился бегом. Дождь плясал на его кепке, под ногами взрывались лужи, полы плаща болтались, как оторванные. Служкин бежал напрямик через газоны, через грязь, прыгал над канавами, проскочил в дыру в заборе вокруг садика и влетел в раздевалку.

Тут было уже пусто. Дверь в группу была раскрыта, и Служкин остановился на пороге. В дальнем углу зала за столом сидела и что-то писала воспитательница. На маленьких столиках вверх ножками лежали маленькие стульчики. Свежевымытый пол блестел. Тата – одна-единственная – строила из больших фанерных кубов кривую башню. В своём зелёном платьишке на фоне жёлтого линолеума она казалась последним живым листком посреди осени.

– Тата!.. – охрипнув, позвал Служкин.

Тата оглянулась, помедлила и молча кинулась к нему через весь зал. Служкин инстинктивно присел на корточки, поймал её и прижал к грязному плащу, к мокрому лицу.

– Тата, я больше никогда не опоздаю... – прошептал он. – Честное слово, никогда... Честное папино...

Глава 17

Выпускной роман

С утра газоны оказывались седыми, а воздух каменел. Лужи обморочно закатывали глаза. Люди шли сквозь твердую кристальную прохладу, как сквозь бесконечный ряд вращающихся стеклянных дверей. На заре по Речникам метлюю проходил ветер и обдувал тротуары, отчего город казался приготовленным к зиме, как покойник к погребению. Но снега всё не было. И вот будто стронулось само время – первый снег хлынул, как первые слёзы после долгого молчаливого горя.

Служкин ходил проведать Сашеньку, но не застал её на работе. У него ещё оставалось полтора часа свободы до конца смены в садике, и он отправился побродить вдоль затона, посмотреть на корабли.

Снег валил сверху густо и плотно, словно его скидывали лопатами. У проходной Служкин неожиданно увидел продрогшего, танцующего на месте Овечкина с сугробом на голове.

– Какими судьбами? – задержавшись, поинтересовался Служкин.

– Человека жду... одного... – проклацал зубами Овечкин.

– В мае влюбляться надо, – посоветовал Служкин.

На мосту в ржавые бока понтонов тяжело толкалась стывшая вода. Понтоны раскачивались, дощатые трапы между ними злобно грохотали.

На дамбе, на голых ветвях тополей мокрый снег сваялся в куски, свисающие вниз, как ключья шерсти. Затон, плотно заставленный кораблями, походил на какую-то стройку. Мачты, антенны, стрелы лебёдок торчали, как строительные леса. На крышах и палубах снег лежал ровными листами. Иллюминаторы смотрели на Служкина невидяще, рассеянно, исподлобья, как смотрит человек, который почти уснул, но вдруг зачем-то открыл глаза.

Служкин остановился у навеса лесопилки, под которым уныло качался и позвякивал цепями тельфер. В белой мгле Кама выделялась контрастной чёрной полосой, потому что снег, падая на воду, странно исчезал. Служкин стоял, курил и разглядывал высокий и массивный нос ближайшей самоходки, у которой в клюзах торчали якоря, словно кольцо в ноздрях быка.

На дорожке из снегопада появился маленький заснеженный человек, и Служкин с удивлением узнал в нём Машу Большакову из девятого «а».

– Маша, ку-ку, – окликнул он её.

– Ой, Виктор Сергеевич!.. – Маша даже испугалась.

– Ты чего здесь делаешь?

– К папе ходила. Мама просила ему записку отнести.

– Это не тебя там у проходной Овечкин дожидается?

– Меня, – покраснев, созналась Маша.

– Э-эх, жаль, – вздохнул Служкин. – А я хотел проводить...

– До проходной ещё далеко, – кокетливо ответила Маша.

Они медленно пошли рядом, не глядя друг на друга. Снег всё валил с неба, будто ровные полотнища. Наконец Маша подняла на Служкина глаза и, не выдержав, улыбнулась:

– А вы что здесь делаете, Виктор Сергеевич? Только не врите.

– Да ничего не делаю. Шляюсь. Чего мне тут делать? Груши околачивать? Хожу и вспоминаю времена, когда сам девочек дожидался.

– А почему на заводе?

– Ну... как сказать... Жисть по заводскому гудку. Хотел увидеть один теплоходик, про который есть что вспомнить. «Озёрный» называется.

– Я в кораблях не разбираюсь... А что у вас за история, Виктор Сергеевич, которую вы вспоминаете?

– История моей последней школьной любви, – важно пояснил Служкин.

– А расскажите, – лукаво улыбаясь, предложила Маша.

– Ой, Машенька, – заныл Служкин. – Это история очень старая. Она длинная и скучная, со слезами и мордобоем. Тебе будет неинтересно.

– Очень интересно, Виктор Сергеевич! – горячо заверила Маша.

– Ну ладно, – довольно согласился Служкин и полез за сигаретами. – Было это в июне, когда я закончил десятый класс и шли выпускные экзамены, – начал он. – Дружил я тогда с одноклассницей. Красивая девочка была, но характер – спаси господи! Вздорная, склочная, задиристая – хуже Ясира Арафата. Звали её Наташа Веткина, а кличка – просто Ветка. Дружили мы давно, однако ничего особенного: так, гуляли, болтали, в кино ходили, целовались потихоньку. А тут как дошло до всех, что скоро навсегда расстанемся, так и заводиться начали, нервничать. Ну, я-то ещё с детства мудрый был, лежал себе спокойненько на диване. А Ветка, видно, решила под конец урвать кусок побольше и завела роман с другим нашим одноклассником. Звали его Славкой Сметаниным, а кличка была, конечно, Сметана. Он был парень видный, отличник, но нич-чегошеньки не отражал. Смотрю, в общем, это я: Ветка со Сметаной каждый день туда-сюда рассекает. Что, думаю, за блин нафиг? Попытался я Ветке мозги прочистить, она и ляпнула мне: не суйся, мол, и катись отсюда. Я, понятно, разозлился благородно. Ну, думаю, жаба, ты у меня покуракаешь ещё.

И вот был у нас экзамен по химии. Подхожу я это утром к школе и вижу, что Ветка со Сметаной под ручку прётся. Я сразу понял: сегодня точно чья-то кровь будет пролита. Химичка нам кабинет открыла и куда-то ушла. Ветка тоже учесала. Сидим мы в кабинете вдвоём: я и Сметана эта дурацкая. Я злость коплю. Сметана тетрадку свою с билетами читает. А надо сказать, что в кабинете том был здоровенный учительский стол. Сверху кафелем выложен, чтобы кислотой не попортить, а сбоку большой стеклянный вытяжной шкаф с трубой наверху. Я всё прикинул, обмозговал, потом встал, тетрадку у Сметаны из рук хватать, на этот стол скок, да и запихал её в трубу. Сметана озверела, сперва за мной между парт погонялась, затем полезла в шкаф за тетрадью. И только она в вытяжной шкаф проникла, я тут же подскочил, дверку у шкафа закрыл и запер со всей силы на шпингалет. А после вышел из кабинета и дверь защёлкнул.

Вот и время экзамена наступило. У кабинета толпа мнётся. Подгребают экзаменационная комиссия, открывает дверь, вваливается в кабинет... А там этот дурак на столе в стеклянном шкафу сидит, как обезьяна в аквариуме. Учителя сразу в визг, остальных со смеху скосило. И главное – шпингалет никто открыть не может, так я его засобачил. Пока слесаря искали, полшколы в химию поржать прибежало. А мне же, чудотворцу и выдумщику, ни слова не говоря по химии трояк впечатали и с экзамена под зад коленом. Я не стал переживать, только радовался, когда вспоминал, как Ветка позеленела.

Маша смеялась. Ободрённый, Служкин заливался соловьём:

– Тем же вечером сию я дома, вдруг звонок в дверь. Я только дверь открыл, а мне Ветка сразу по морде тресь!.. Но я – воробей стреляный, я сразу присел. И она со всего размаха рукой по косяку как засадила, аж весь дом вздрогнул! Тут на грохот моя мама в коридор выбегает. А мама моя страсть любила, когда в гости ко мне девочки приходят. Схватила она Ветку и на кухню поволокла. Сразу чай, конфеты, всё такое. Говорит мне: познакомь, мол, Витя, с девушкой... Меня, естественно, чёрт за язык дёрнул. Такая и сякая, говорю, моя невеста. От этих слов Ветка чуть не задымилась. Ну, чай допила, с мамой моей попрощалась культурно и ушла, а на меня и не взглянула. Так, думаю, Виктор Сергеевич, ожидает тебя бой не ради славы, ради жизни на земле.

Служкин сделал паузу, прикуривая. Маша, улыбаясь, ждала продолжения. Они пошлагали дальше. Сигарета во рту у Служкина дымила, как крейсерская труба.

– В день выпускного бала вручили нам в торжественной обстановке аттестаты. Дальше в культурной программе значилось катание на теплоходе. Загнали нас, выпускников, на этот вот «Озёрный». Здесь дискотека, шведский стол, прочая дребедень. Погода просто золотая! И поплыли мы, значит, на прогулку. В салоне музыка играет, все пляшут. А Ветка, зараза, всю дорогу только со Сметаной и танцует. Если же я её приглашаю, то мне непристойные вещи руками и пальцами показывает. Отозвал я её в сторонку и спрашиваю: что такое? Она вместо ответа сорвала у меня с головы бейсболку и за борт кинула. Совсем обидно мне стало, ушёл я. А когда вернулся обратно в салон, где банкет бушевал, то взял со стола банку с майонезом и сел рядом со Сметаной. Раз уж Ветка со мной не хочет, то со Сметаной и не сможет. Улучил я момент, когда Сметанин, скотина, за колбасой потянулся и зад свой приподнял, и вылил ему на стул полбанки. «Теперь, – говорю, – твоя фамилия не Сметанин, а Майонезов». И ушёл. А Сметанин как приклеился к месту. Ветка его тащит танцевать, а он только улыбается и говорит, что нога болит.

Тут пароход наш причалил к берегу, чтобы мы, значит, в лесочке порезвились. Сошёл на берег и я. Через некоторое время подруливает ко мне Ветка: вся цветущая, улыбается. Отойдём, говорит, на минутку. Ну, отошли мы, и далеконько отошли. Только остановились на полянке, она и набросилась на меня, как Первая Конная на синежупанников. Разворачивается и с маху мне в челюсть р-раз!! Я только зубами лязгнул. А с другой стороны уже вторая граната летит. Я Веткину руку успел поймать. Она взбесилась и туфлей своей окаянной как врежет мне в одно такое место, что у меня голова чуть не отскочила. Тут и я со злости стукнул её в поддыхало – она пополам согнулась. А я ещё вокруг неё обежал и впечатал ей пендель под юбку. Она в кусты улетела, и как в могилу – ни ответа, ни привета. Я подождал-подождал и полез за ней. Вижу: стоит она на карачках, хрипит, ревет. Жалко мне её стало, дуру. Поднял я её, отряхнул, извинился и обратно потащил. Выходим мы наконец на берег, и что же? Пароход-то наш – ту-ту! – уплыл! Так и остались мы в лесу.

– И что, на выпускной бал не попали? – изумилась Маша.

– Нет, конечно. Я сориентировался: до ближайшей пристани километров десять. А что делать? Потащились. Пока через всякие буреломы лезли, как Дерсу Узалы, уж вечер наступил, погода испортилась, дождь хлынул. Вымокли. Но тут нам повезло. Шли мимо какого-то котлована, и там на краю экскаватор стоял. Не торчат же нам под дождём всю ночь! Залезли в кабину. Я в кресло сел, она мне на колени хлопнулась. Посидели, обогрелись, обсохли. Я Ветку конфетами угостил, которые на банкете по привычке со стола стёрил. Ветка вроде отмякла. И тут как давай мы с ней целоваться! Всю ночь напролёт целовались! Только вот задницей своей толстой она мне все ноги отсидела – это меня и сгубило. Часа в четыре утра, как светать начало, порешили мы снова в путь тронуться. Ветка первая из кабины выскочила. И пока я корячился с занемевшими ногами, она схватила какую-то палку и всунула её в ручку дверцы – заперла меня, значит, в кабине, змея! А сама спокойно одна пошлагала.

Я орал-орал, дверь таранил-таранил – ничего не выходит. Тогда осерчал я, вырвал какую-то железяку и разбил окно. Выпрыгнул, да неудачно. Упал на дно котлована, схватился и ногу вывихнул. Ну, беда! Выполз наверх, рыча, выломал себе дубину суковатую и с ней поковылял, как Мересьев. Ветку догнать уж и не мечтал.

Доплёлся до деревни, пришёл на пристань. Ветки нигде нет. А, думаю, хрен с тобой, старая дура. Купил билет, тут «Ракета» подходит. Погрузился я, сижу, гляжу. И вижу, что у чёрта из табакерки появляется на пристани моя Ветка и начинает уламывать контролёршу, чтоб её без билета на борт взяли. Денег-то на билет у неё нету! Я, как благородный человек, с парохода долой – и в кассу. И пока я на своих полтора ногах ковырялся, «Ракета» наша стартовала! Ну, думаю, что за напасти!..

А мы с Веткой уже устали, как сволочи, даже ругаться сил нет. Следующая «Ракета» только через пять часов. Помирился я с Веткой, и ушли мы за деревню. Нашли песчаную косу, купались, загорали. Ветка тихая-тихая была, виноватая, добрая. В конце концов дождались мы следующей «Ракеты», сели. Ветка всю дорогу спала у меня на плече. Приплыли, сошли на берег родной. Лодыжка моя распухла, болит, еле ступаю. С грехом пополам довела меня Ветка до дома, всю дорогу поддерживала. У подъезда стали прощаться. И только я хотел поцеловать её напоследок, она ка-ак пнет меня в больную ногу! Я на спину брык, заорал и ногами засучил. А она убежала. Больше мы с ней не виделись.

Служкин замолчал.

– Никогда?.. – с сочувствием, осторожно спросила Маша.

– Никогда, – грустно подтвердил Служкин.

Маша задумалась. Они вдвоём уже подошли к наплавному мосту. Маша покачала головой и призналась:

– Вы так рассказывали, Виктор Сергеевич, – я будто кино смотрела. Никогда бы не подумала, что так бывает...

– А так и не бывает, – улыбнулся Служкин. – Я всё сочинил, чтобы тебе скучно не было.

Маша остолбенела. Служкин, улыбаясь, погладил её по голове.

– Дальше иди одна, а я постою, – сказал он. – А то меня Овечкин приревнует.

Глава 18

Градусов

Прозвенел звонок. Служкин, как статуя, врезался в плотную кучу девятого «вэ», толпившегося у двери кабинета. Распихав орущую зондеркоманду, он молча отпер замок и взялся за ручку. Ручка была мокрая. Вокруг восторженно заржали.

– Это не мы харкнули на ручку! Мы не знаем кто! – закричали сразу с нескольких сторон.

В кабинете Служкин положил журнал на свой стол и долго, тщательно вытирал ладонь тряпкой, испачканной в мелу, – чтобы видели все. Потом посмотрел на часы. От урока прошла минута сорок секунд. Значит, остаётся ещё сорок три минуты двадцать секунд.

Заложив руки за спину, как американский полицейский, Служкин стоял у доски и ждал тишины. В общем-то, это ожидание было не более чем жестом доброй воли, ритуалом. Для зондеркоманды этот ритуал был китайской церемонией. Зондеркоманда гомонила. Служкин выждал положенную минуту.

– Ти-ха!! Рты закрыть! Урок начинается! – заорал он.

Он двинулся вдоль парт, глядя в потолок. Не расцепляя рук за спиной, на пределе своих акустических возможностей, он начал:

– Открыли! Тетради! Записываем! Тему! Урока! Машиностроительный! Комплекс!

Кто-то действительно открыл тетрадь, но шум лишь увеличился: Служкин говорил громко, и девятиклассникам приходилось перекрикивать его, чтобы слышать друг друга. Служкин, надсаживаясь, гнал голый конспект, потому что рассказывать или объяснять что-либо было невозможно. Интонации Служкина были такие, что после каждой фразы хотелось крикнуть «ура!».

Пять минут... Десять... Пятнадцать... Диктовка конспекта – это ещё цветочки. А вот что начнётся при проверке домашнего задания!.. Двадцать минут. Время. Служкин прощально посмотрел в окно.

– Так, а теперь вспомним прошлый урок. Вопрос: какие основные отрасли производства в нефтехимическом комплексе?

Гам как на вокзале. И тогда Служкин нырнул в омут с головой.

– Сколько можно орать!!! – орал он. – У вас четверть заканчивается!!! Одни двойки!!! И никто слушать не желает!!!

Пока Служкин неистовствовал, на первой парте рыжий и носатый Градусов азартно рассказывал соседу:

– ...а у него тоже на «липе», но синие. Я его спрашиваю: ты, дурак, где брал? Он такой: на балке. Я ему: ну ты ваще!..

После общей морали Служкина полагалось найти и растерзать жертву. Служкин бухнул классным журналом по парте перед Градусовым.

– Помолчи!!! – взревел он. – Я битый час добиваюсь тишины, а ты рта не закрывал!!! Ты лучше меня географию знаешь, да?!! Давай отвечай, какие основные отрасли нефтехимического комплекса?!!

– Я это... – соображал Градусов. – Я болел на прошлом уроке...

– Встань, я стою перед тобой! – грохотал Служкин.

Градусов неохотно совершил странное телодвижение, перекосившись в полустоячем-полулежащем положении.

– Раз на том уроке не был, так на этом слушать должен!!!

– Да ч-щ-що ваша география... – презрительно прошипел Градусов, постепенно входя в себя после первого замешательства. – Слушал я!..

– Это не моя география, а твоя география! – теснил Служкин. – Я свою географию десять лет назад всю выучил! Чего ты слушал, чего ты знаешь по географии, чтобы мне тут шипеть? Только что я про Тюменскую область говорил – назови мне хоть главный город там!..

– Эта... Моск... – опять сбился Градусов.

– Два!!! – торжествующе рявкнул Служкин.

– Вам же хуже, – хмыкнул Градусов, валясь обратно за парту. – Всё равно исправлять будете...

– Там посмотрим! – Служкин яростно распахнул классный журнал. – Фамилия твоя?

Из-за своей фамилии Градусов уже устраивал шоу, и Служкин должен был помнить, как зовут этого рыжего, но в пылу схватки не вспомнил. Однако не стоило обращаться за помощью к Градусову. Это был тактический просчёт. И теперь Служкин уже не мог одолеть Градусова, хоть оторви ему рыжую башку. Градусов приосанился.

– Забыл я фамилию, – ухмыльнулся он.

– Как его фамилия? – обратился Служкин к классу.

И это был второй тактический просчёт, потому что в конфликт ввязывалась вся зондеркоманда.

– Ергин! – закричали Служкину. – Баскакова! Черезвысокозабороногопередерищенко! Воробьёв! Шварценеггер!

– Это я Шв-в... В-воробьёв, не ставьте двойку!..

– Ладно, я сам дознаюсь, – заверил Служкин, распахивая журнал. – Агафонов, ставлю два!

– Вороб... Так, ясно. Горохов!

– Горохов он! Горохов! – заорали с задних парт.

– Горохов в больнице лежит! – закричали девицы. – Чего не признаешься, Градусов?..

Ой!

– Кор-ровы безрогие! – злобно прорычал Градусов девицам.

– Теперь дневник, – выведя в журнале двойку, велел Служкин.

– Дома забыл, – хмуро заявил Градусов и бросил на парту свой портфель-ранец с надписями и катафотами. – Общайте, если не верите.

– Не верю, – согласился Служкин.

Отступить ему было поздно – гонор сшибся с гонором. Служкин двумя пальцами поднял открытый ранец за нижний уголок и высыпал на пол всё его содержимое.

– Нифига себе! – завопил Градусов. – Собирайте мне теперь!..

Служкин носком ботинка откинул пару учебников.

– Тетради нет, учебника нет, дневника и того нет, – брезгливо сказал он. – Иди домой за дневником, иначе не отдам портфель.

Он демонстративно бросил градусовский ранец на свой стол.

– Т-щ-що это я пойду, мне и тут хорошо, – кривился Градусов, растекаясь по парте, как тесто.

Служкин обошёл его и взял за ухо.

– Руки уберите!.. Уй-я-а!.. – заорал Градусов, вылезая из-за парты вслед за своим ухом. – Убер-ри, сказал!..

Служкин наклонился к его оттянутому уху и шепнул:

– Только дёрнись, гад, рожей в стенку суну.

Он провёл согнутого Градусова к двери и вышиб в коридор.

– Козёл Географ!.. – заорал Градусов оттуда.

– Едем дальше, – мрачно сказал Служкин зондеркоманде, запирая дверь. – Итак, какие основные отрасли в нефтехимическом комплексе?

Глава 19

Будкин

Было воскресенье – день, когда водопроводчики отключают воду. По этой причине Надя раздражённо громыхла на кухне тарелками, отмывая их из-под чайника. В комнате на письменном столе громоздились сцепленные проводами магнитофоны. Будкин, напялив наушники, что-то переписывал с одной кассеты на другую. В такт неслышной музыке он кивал головой, открывал рот и подпевал одной мимикой. На полу играла Тата: укладывала Пуджика в коляску.

– Спи, дочка, – говорила она, укрывая кота кукольным одеялком.

Служкин лежал на кровати и проверял самостоятельную у девятого «а». Он прочитал работу Скачкова и красной ручкой написал в тетради: «Ты говоришь, что у тебя по географии трояк, а мне на это просто наплевать». Цитата Скачкову была отлично известна. Служкин подтвердил её оценкой – 3.

Будкин щёлкнул выключателем, снял наушники, встал, потянулся и, перешагнув через Пуджика, пошёл на кухню.

– Когда, Надюша, обедать будем? – ласково спросил он.

– Здесь тебе столовая, что ли? Я на тебя не готовлю!

– Я же один живу... Никто меня не любит, никто не кормит...

– Меня это абсолютно не интересует! – отрезала Надя.

– Ну, я хоть полсантиметрика колбаски скушаю...

Жуя, Будкин вернулся в комнату и сел на кровать к Служкину.

– Пуджик, кс-кс, – позвал он. – Колбасы хочешь? А нету! – И он положил колбасу в рот. Пуджик проводил её глазами.

– Будкин, не буди мою дочку! – гневно сказала Тата.

– Ладно, не буду, – согласился Будкин. – Слушай, Витус, дай мне потрепать твою синюю рубашку? Мне завтра в гости.

– Возьми, – безразлично согласился Служкин.

Будкин открыл в шкафу дверку и начал рыться в вещах. Вдруг он вытянул длинный лифчик.

– Витус, а это ты зачем носишь? – озадаченно спросил он.

Лифчик вылетел у Будкина из руки – напротив него, захлопнув шкаф, очутилась разъярённая Надя.

– Ты чего в моём белье роешься?! – заорала она.

– А мне Витус разрешил... – глупо ответил Будкин.

– Ты что, совсем спятил? – налетела на Служкина Надя.

– Там раньше моё барахло лежало... Спутал он полку.

– Пусть у себя дома путает! – бушевала Надя. – Как хозяин тут всем распоряжается!

Я за него замуж не выходила!

– Так выходи, – хехекнул Будкин и приобнял её за плечи.

Надя истерично крутанулась, сбрасывая его ладони.

– Убери руки и не лапай меня! Проваливай вообще отсюда!..

– На-дя, – предостерегающе сказал Служкин.

– Что «Надя»?! Пускай к себе уходит! У самого есть квартира! Сидит тут каждый день – ни переодеться, ни отдохнуть! Жрёт за здорово живёшь, а теперь ещё и в белье ползет! Ни стыда ни совести! Надоело это всё мне уже!.. – крикнула Надя, выбежала из комнаты и заперлась в ванной.

Тата молча сидела на полу и переводила с мамы на папу испуганные глаза. Пуджик вылез из-под кукольного одеяла и запрыгнул Служкину на кровать. Будкин неуверенно хехекнул и достал кассету.

– Воды-то в ванной нет... – пробормотал он.

Служкин молчал.

– Я смотаюсь минут на двадцать, – решил Будкин. – Пока она успокоится... К обеду вернусь.

– Возвращайся, – согласился Служкин. – Но если Надя тебе череп размозжит, я не виноват.

Хехекая, Будкин оделся и ушёл, шаркая подошвами.

«А мне говорят, что Волга впадает в Каспийское море, а я говорю, что долго не выдержу этого горя, – записал в очередной тетради Служкин. – 4». Пуджик повертелся рядом с ним, точно утаптывал площадку в сугробе, и свалился, пихая Служкина в бок и бурча что-то в усы. Тата взялась за кукол.

Надя выскочила из ванной в том же озверелом состоянии. Видимо, отсутствие воды помешало ей погасить злобу.

– Ты чего молчишь, когда он меня при тебе же лапает? – набросилась она на Служкина. – Хоть бы слово сказал!.. Муженёк!.. Он меня раздевать начнёт – ты не пикнешь!..

– Пикну, – не согласился Служкин, глядя в тетрадь.

– Гос-споди, какой идиот!.. – Надя забежала по комнате.

– Надя, там у меня детский сад! – закричала Тата.

– Не трогаю я твоих кукол!..

– Не ори на неё.

– Если бы я знала, какой ты, ни за что бы замуж не вышла!..

– А какой я? – спокойно поинтересовался Служкин.

– Слова от тебя человеческого не дождёшься, одни шутки!..

– Без шутки жить жутко.

– Так у тебя, кроме шуточек, и нет ничего больше!.. Пусто за душой! Ты шуточками только пустоту свою прикрываешь! Ничего тебе, кроме покоя своего, не нужно! Ты эгоист – страшно подумать какой!

– Думать всегда страшно...

– Тебя не только любить, тебя и уважать-то невозможно! – не унималась Надя. – Ты шут! Неудачник! Ноль! Пустое место!

– У тебя лапша пригорит, – ответил Служкин.

– Провались ты со своей лапшой! – взорвалась Надя.

Она умчалась на кухню. Служкин взял новую тетрадь – с обгрызленным углом. Однажды он уже написал в ней: «Зачем обглодал тетрадь? Заведи новую. География несъедобна». Теперь под записью имелся ответ: «Это не я обглодал, а моя собака». Служкин проверил самостоятельную, поставил оценку и продолжил диалог: «Выброси тетрадь на помойку. Можешь вместе с собакой. В третий раз этот огрызок не приму». Он сунул тетрадь под кота, как под пресс-папье, и выбрался из кровати.

– Тата, ты на кухню не ходи, я курить буду, – попросил он.

– Хорошо, – солидно согласилась Тата. – Я буду читать сказку.

Надя стояла у окна и глядела на грязный двор, сжимая в кулачке ложку. Служкин убавил газ под лапшой и сел за стол.

– Ну не расстраивайся, Наденька, – мягко попросил он. – Пока ещё ничего не потеряно. Я тебе мешать не буду. Не вышло со мной – выйдет в другой раз. Ты ещё молодая...

– Не моложе тебя... – сдавленно ответила Надя.

– Ну-у, я особый случай. Ты на меня не равняйся. У тебя ведь нету столько терпения, сколько у меня. Я всегда побеждаю, когда играю в гляделки.

– Ты мне всю судьбу поломал. Куда я теперь от Таты денусь?

– Если бы тебе была важна только Тата, ты бы мне не наговорила всего того, что я услышал.

– Тебе говори не говори, никакой разницы. Ты тряпка.

– Вот и найди себе не тряпку.

– Кого я найду в этой дыре?!

– Ну, кого-нибудь... Мне, что ли, самому тебе нового мужа искать? У меня никого, кроме Будкина, нет.

– Видеть не могу этого дурака и хама.

– Он не дурак и не хам. Он хороший человек. Только, как и я, тоже засыхать начал, но, в отличие от меня, с корней.

В прихожей затрещал звонок. Служкин раздавил сигарету в пепельнице и пошел открывать. Через некоторое время он впихнул в кухню сияющего Будкина. Жестом факира Будкин извлёк из-за пазухи пузатую бомбу дорогого вина.

– Это, Надюша, в качестве моего «пardon», – заявил Будкин, протягивая Наде бутылку.

– О нём поминки, и он с четвертинкой... – сказал Служкин. – Не злись на него, Надя. Если хочешь, он тебе свои трусы покажет, и будете квиты... Это ведь твоё любимое вино?

– Сообразил, чем подкупить, да? – агрессивно спросила Надя.

– Смышлён и дурак, коли видит кулак, – пояснил Служкин, пошёл в комнату, повалился на кровать и открыл очередную тетрадку.

Тетрадка оказалась Маши Большаковой. После безупречно написанной самостоятельной Служкин прочёл аккуратный постскрипtum: «Виктор Сергеевич, пожалуйста, напишите и мне письмо, а то Вы в прошлый раз всем написали, а мне нет». Служкин нашупал под Пуджиком красную ручку и начертал: «Пишу, пишу, дорогая Машенька. Читать твою самостоятельную было так же приятно, как и видеть тебя. 5. Целую, Географ».

Глава 20

Мёртвые не потеют

Служкин проторчал на остановке двадцать минут, дрожа всеми сочленениями, и, не выдержав, пошёл к Кире домой.

– Ты чего так рано? – удивилась Кира. Она была ещё в халате.

– Выброси свои ходики на помойку, – буркнул Служкин. – Кино начнётся через полчаса.

– Чёрт, – с досадой сказала Кира. – Ну ладно. Подожди меня тут.

– На лестнице? – разозлился Служкин, ловко выставляя ногу и не давая закрыть дверь. – Пятый класс для меня уже пройденный этап.

Кира помолчала, разглядывая его.

– Ладно, пройди. Но я тебя не приглашала. Смотри не пожалей.

– Не из жалостливых... – проворчал Служкин, впираясь в прихожую.

– Ну, я объясняла тебе, в кино иду, – уйдя в комнату переодеваться, раздраженно сказала кому-то Кира.

В комнате послышался хруст дивана, щёлканье ременной пряжки, и на порог вышел атлетически сложенный молодой человек с квадратными плечами.

– Этот, что ли, тут самый крутой? – оглядев Служкина, спросил он.

– Вернись и не лезь в бутылку! – одёрнула его Кира.

В лифте, взяв Служкина под руку, Кира насмешливо сказала:

– Ты, наверное, хочешь спросить, кто это был?

– Я и так знаю. Брат. Или сантехник.

– И как ты к этому относишься?

– Никак, – Служкин пожал плечами. – Атлет объелся котлет.

– Вообще-то он тебе соперник.

– Победила дружба.

Они спустились с крыльца и зашагали по мокрому асфальту. Недавно выпавший снег не удержался, растаял, а грязь замёрзла. Газоны, по которым разворачивались легковушки в тесном дворе, превратились в барельефы, в чёрную фигурную лепнину. Студёная поздняя осень старчески слеpla. Туманная морось покачивалась между высокими многоэтажками. С их крыш медузой обвисало рыхлое и дряблое небо.

– Если тебе всё безразлично, давай вернёмся, – сердито сказала Служкину Кира, памятуя атлета.

– Ты же сама хотела пойти этот фильм посмотреть. Билеты на руках, Будкин вечером нас встретит. Поздно оглобли поворачивать. И вообще, я же предупреждал, что не люблю американские боевики...

– А я вот люблю, и будь добр это стерпеть. Только в них и можно настоящего мужика увидеть.

Они успели приехать вовремя и даже не очень пострадали в автобусе. На щите перед кинотеатром был изображён летящий в звёздном небе мотоцикл с голой девкой верхом. Гардероб в фойе не работал, вешалки торчали за барьером, как скелеты оленей. В зеркальном, музыкальном и разноцветно иллюминированном баре красивая продавщица торговала баночным пивом и сигаретами. По фойе слонялась толпа крепышей в расстёгнутых пуховиках. Крепыши были с девушками; они, угрожающе глядя исподлобья, пили пиво, мяли банки и с грохотом бросали их в урны.

– Новое поколение выбирает опьянение... – бормотал, озираясь, Служкин. – Молодежь тянется к культуре: пришла узнать, чем отличается Тинторетто от «Амаретто»...

– Слушай, помолчи, – поморщилась Кира.

Но Служкин на всём скаку остановиться не мог. Они прошли в зал, сели, фильм начался, а Служкин всё ещё дребезжал:

– Многомиллионный город терроризирует маньяк-убийца, – подражая интонациям рекламного ролика, шептал он. – Полицейский-одиночка вступает в единоборство с бандой. Погони, схватки, каскад головокружительных трюков, настоящие мужчины и прекрасные женщины – всё это в новом американском супербоевике «Мёртвые не потеют». В главных ролях – неподражаемые Реп Паренн и Хруст Реббер...

Сюжет фильма был замысловат. Злобный Маньяк крошил всех подряд, носясь на мотоцикле во главе Банды. Банда гнездилась на верхнем Этаже заброшенного небоскреба. Лестницы в нём были взорваны. К себе на Этаж Банда попадала, прыгая с разгона на мотоциклах с крыши соседнего, тоже заброшенного небоскреба.

– Это главная художественная находка авторов фильма, – прокомментировал ситуацию Служкин.

Банда поймала Девку и изнасиловала её. Причём сам Маньяк делал это, привязав Девку к мотоциклу и носясь по крыше. Потом Банда выбросила Девку вниз со своего миллионного Этажа. Девка, естественно, шлёпнулась в машину с мусором и выжила. Девка пошла скандалить в полицию. А начальником полиции был брат-близнец Маньяка. Он девку арестовал и хотел вернуть огорчившейся Банде, чтобы та всё-таки прикончила Девку как следует. Девку охранял Лучший Друг Полицейского. Когда Банда пришла за Девкой, он в страшной Битве погиб, защищая жертву, но успел направить Девку к своему лучшему другу – Полицейскому. Девка застала Полицейского дома одного, он в слезах листал альбом с фотографиями Лучшего Друга.

– А по выходным он обычно ловит сачком бабочек, – развил образ Полицейского Служкин.

Полицейский был необыкновенно молчаливым и нелюдимым типом. Начальство он презирал, никогда с ним не разговаривал и всегда поступал наоборот приказам. Девку он ненавидел, а Маньяка вообще не считал за млекопитающее. Во всех случаях жизни он произносил только одно слово – «фак!».

– Сейчас Полицейский станет всех рубить в капусту, а начнёт с самого наглого и мозглявого, – предупредил Служкин.

– Если ты уже смотрел, то дай и мне! – прошипела Кира.

– Разве бы я выдержал дважды прожевать эту ботву?..

Дело пошло по служкинскому прогнозу. Братец-Начальник упёк Полицейского за решётку, а Девку отдал Банде. Маньяк повёз Девку Убивать.

– Дурак, – расстроился за Маньяка Служкин. – Ему надо было сделать пластическую операцию и сдать русским. Может, и выжил бы.

Но Маньяк был глупее Служкина и жить совсем не хотел. Он привёз Девку на свой пресловутый Этаж, опять раздел её и привязал к «Харли Дэвидсону», собираясь с Бандой повторить всю Программу. Тем временем Полицейский поднял в тюрьме Бунт, всё там погнул и сломал и убежал, повиснув на шасси вертолёта. Потом нью-йоркский воздушный флот начал биться с ним среди громад Манхэттена. Из горящего вертолёта Полицейский спрыгнул на Этаж Маньяка. Свой вертолёт, потерявший актуальность, он направил на соседний дом, с которого Банда и прыгала в своё логово. Дом разнесло к едрене фене. Пока Полицейский разделялся с Бандой, Маньяк быстро поумнел и решил удрать. Девка погналась за ним, напялив шлем, но ничем не прикрыв срама. Маньяк, Девка и Полицейский дружной стайкой долго носились по карнизам и балконам на мотоциклах. Наконец Маньяк изловчился

прыгнуть, как обычно, на соседний дом – а дома-то уже и не было. И он гробанулся о мостовую так, что оторвалась непутёвая Голова. Голова, кстати, прилетела точно в машину Сенатора, который совсем запутался в близнецах и тёмных делишках и хотел взорвать Нью-Йорк атомной бомбой. А Полицейский пулей – конечно, последней – разнёс колесо у мотоцикла Девки, которая хотела повторить полёт Маньяка. Девка осталась жива и долго целовалась с Полицейским на фоне финальных титров.

Свет в зале зажётся, и публика, уважительно побрякивая, вразвалку двинулась к выходу.

– Ты мне испортил всё удовольствие, – вставая, с холодным бешенством сказала Служкину Кира.

Служкин только стонал и держался за голову, волоча ноги.

Они вывернули из-за угла кинотеатра на площадку. Уже совсем стемнело – по-осеннему густо, мглисто, неровно. Синий неоновый свет передней стеклянной стены кинотеатра выпукло и однотонно выделял ряд блестящих автомобилей, похожих на клавиши рояля.

– Вон наш экипаж. – Служкин кивнул на будкинскую «Вольво».

Кира неохотно взяла Служкина под руку.

И тут из темноты возле машины появилось пятеро каких-то типов. Трое остановились в стороне, один подошёл к капоту, а ещё один сунулся в открытое окошко, где светилась багровая искра сигареты Будкина. О чём была беседа, никто не слышал, но тип у дверки полез в окно рукой, чтобы открыть машину. Второй тип по-хозяйски уселся на капот.

Через мгновение тот парень, что лез в машину, вдруг растопырил руки, словно восклицая: «Да ба-а!..», – и задом сел в грязный газон. Дверка открылась, Будкин вылез и деловито съездил снизу в челюсть седоку на капоте – тот, мелькнув подошвами, кувыркнулся на другую сторону. От троицы отделился ещё один боец, который добежал до Будкина, а потом резко развернулся и поковылял прочь. Он скрючился, выпятив зад и обеими руками скомкав в горсть штаны в паху – так отжимают плавки купальщики, не желающие раздеваться. Через миг вся компания исчезла в кустах.

Кира присвистнула и сощурилась, разглядывая Будкина.

– За что бился? – подходя, спросил Служкин.

– Парнишки номером автобуса ошиблись, – пояснил Будкин.

– Знакомься, старый пень: это Кира, моя... м-м... коллега.

– Очень приятно. – Будкин сдержанно приложился к ручке Киры.

– Ну, гони к цыганам, – распорядился Служкин.

– Я бы покаталась, – нейтрально заметила Кира.

– Э-э... – озадачился Служкин. – Я же отец семейства, народный учитель... Мне домой надо.

– А мне не надо.

Они втроем замолчали. Будкин грустно поглядел на Киру, тяжело хехекнул и отошёл в сторону покурить.

– Ты что-то хочешь спросить? – поинтересовалась Кира у Служкина.

– Да, в общем, нет, – подумав, сказал Служкин и открыл перед ней переднюю дверку.

Глава 21 Торжество

Который год подряд первый тонкий, но уже прочный зимний снег лёг на землю в канун служкинского дня рождения, и Служкин, проснувшись, вместе с диваном поплыл в иглистое белое свечение, такое яркое и неожиданное после тёмных и тяжёлых красок поздней осени.

Прямо с утра началась подготовка к празднеству. Надя сердито застучала на кухне ножом. Служкин на четвереньках ползал под кроватью с пылесосом. Пуджик, раздувшись огромным шаром, сидел в прихожей на полке для шапок и шипел на пылесосный шланг. Тата за письменным столом старательно черкала в альбоме цветными карандашами.

Потом Служкин носился из кухни в комнату с тарелками. Пуджик, напевая, в своём углу пожирал обильные селёдочные обрезки от салата, а Тата пыталась повязать ему на хвост свой бантик.

– Не понимаю, зачем каждый год устраивать такой кутёж? – недовольно ворчала Надя, шинкуя морковь. – Ладно бы ещё дата была круглая!.. А так?.. Лишь бы нажраться.

– Встреча с друзьями – это способ выжить, а не выжрать.

– Нашёл друзей! Ладно Будкин, он всё равно припрётся. А зачем с ним Рунёва? Невежливо тащить с собой подругу, пока она не стала женой. И Колесниковых тоже зачем позвал? Они разве звали тебя на свои дни рождения? Ветке главное напиться, а муж её вообще дурак, куда он нужен? Тем более они с сыном придут...

– Ну не ругайся хоть сегодня, – примирительно попросил Служкин.

– Я вообще могу молчать весь день! – раздражённо крикнула Надя.

К трём часам они поссорились ещё раз, но праздничный стол был готов. Надя и Тата поздравили именинника: Надя осторожно поцеловала и вручила набор из одеколona, дезодоранта и крема для бритья, а Тата подарила папе аппликацию – домик с трубой в окружении ёлочек. Служкин поднял Тату на руки и поцеловал в обе щеки.

В половине четвёртого звонок затрещал и явился Будкин.

– Хе-хе, плешивый мерин, – сказал он. – Поздравляю. Теперь на год скорее сдохнешь... Это тебе, – и он вручил Служкину цветастый двухтомник.

– Знаешь, что купить, сучье вымя!.. – посмотрев на обложку, сдавленно промычал Служкин и двинул Будкина в грудь кулаком.

Затем в дверь стеснительно звякнула Саша Рунёва. Она подарила Служкину рубашку в целлофановой упаковке и извинилась:

– Мне показалось, что тебе подойдёт...

Она робко поцеловала его и вытерла помаду платочком.

– Ну зачем же!.. – обескураженно завопил Служкин, хватаясь за щеку, будто у него стрельнуло в зуб.

Последними прибыли Колесниковы. Ветка, визжа, повисла на Служкине, а потом перецеловала всех: и Сашеньку, с которой была едва знакома, и Надю, про которую знала, что та её недолюбливает, и Будкина, который для такого дела охотно выбежал из сортира. Колесников потряс всем руки и протянул Наде толстую бутылку – свой подарок. Надя несколько театрально улыбалась гостям. Шуруп вышел из-за родительских ног и солидно пробасил:

– Дядя Витя, я тебя тоже поздравляю.

– Вот, знакомьтесь, – предложил Служкин Колесникову. – Вы ещё не встречались, хотя я всем всё про всех рассказывал. Вовка, это Саша Рунёва. Сашенька, это Вовка, муж Ветки.

Сашенька и Колесников странно переглянулись.

– Ну что? – спросил Служкин. – Метнёмся к станкам? – он царственным жестом указал на стол.

Празднество началось. Пока звучали традиционные тосты – за именинника, за родителей, за жену и дочку, за гостей, – Служкин ещё сдерживался в речах и поступках, но затем развернулся во всю прыть. Он исхитрялся быть сразу во всех местах, подливал в каждую рюмку, разговаривал со всеми одновременно и в то же время вроде бы сидел на своём месте, не отлучаясь ни на миг, принимал положенные чествования, однако на нём уже похрустывала подаренная рубашка, рядом с локтем скромно притулилась уже на треть початая бутылка Колесниковых, которую Надя спрятала в холодильник, а в двухтомнике, лежащем на телевизоре, очутилась закладка из конфетного фантика на середине второго тома.

Первым захмелел Колесников. Он рассказывал Сашеньке людоедские истории о своей службе в милиции. Покраснев и расстегнув воротник, он раздвинул посуду в разные стороны и на свободном пространстве стола ладонями изображал различные положения.

– Мы вот тут, в кустах сидим, а с этой стороны у нас вторая засада. Они приезжают, все на джипах, все шкафы, в коже, со стволами под мышками. Сходятся на разборку. А мы внезапно по мегафону: «Не двигаться! Бросить оружие!» Куприянов своим кричит: «Атас, засада!» – и Залымову пулю в грудь! Ну, тут мы...

Сашенька слушала невнимательно, крутила в пальцах рюмку, куда со словами «Где Петрушка, там пирушка!» то и дело подливал вино именинник. Сашенька механически пила и глядела на Будкина, который учил Тату есть колбасу с помощью ножа и вилки. Тата, пыхтя и высоко задирая локотки, неумело мочалила колбасный кружок, а Будкин брал отрезанные кусочки пальцами и клал себе в рот, всякий раз ехидно подмигивая Наде. Надя, смеясь, возмущалась этим хамством и путано поясняла Ветке рецепт нового торта. Ветка карандашом для глаз поспешно записывала рецепт на салфетке и рвала грифелем бумагу. Пользуясь свободой, Шуруп покинул компанию и возле кровати безуспешно усаживал Таточкину куклу на спину Пуджика, что лежал в позе сфинкса и невозмутимо дремал.

– Вовка, кончай Сашеньке уши компостировать!.. – кричал Служкин.

– Я свернул туда, на просёлок, а они здесь. Я пистолет достал и на колени положил – от таких всего ждать можно...

– Кто за ляжки, а мы за фляжки, – сказал Служкин, выпивая.

Через некоторое время он выбежал из-за стола, включил магнитофон и начал отплясывать, как павиан в брачный период. Но его пример никого не воспламенил. Тогда Служкин задёрнул шторы, погасил люстру и переменил кассету. Медляки сыграли свою роль, и теперь никто не остался сидеть. Колесников приклеился к Саше, Будкин облапил Надю, а Служкину досталась Ветка.

– Что-то твой благоверный предпочтению отдаёт новым знакомым, – прошептал ей Служкин.

– А-а, плевать, фиг с ним, – беспечно отозвалась Ветка, прижимаясь к нему грудью и жарко дыша в ухо. – Нам же лучше, да, Витька? Я сейчас такая пьяная, мне крутой порнухи хочется... Давай его накачаем, чтобы он у вас заночевал, а потом ты пойдёшь меня домой проводить, там и оторвёмся...

– Женщина – лучший подарок, – ответил Служкин.

В дальнем углу, в темноте, Колесников умело и жадно мям Сашеньку, не переставая бубнить:

– На операцию втроем поехали: я и ещё двое, омовцы...

Когда Служкин повёл Надю, Надя сказала, что ему хватит пить.

– Но долго буду тем любезен я народу, – доверительно пояснил ей Служкин, – что чувства добрые я литрой пробуждал...

В доказательство после танца он озорно опрокинул ещё рюмку.

Колесников пошёл в туалет, и Саша наконец перепала Служкину.

– Витенька, я так рада нашей дружбе, – прошептала она, положив голову Служкину на грудь.

– Это не дружба, – тотчас поправил её Служкин. – Это несостоявшаяся любовь.

– Помнишь, я тебе говорила, что у меня ухажёр появился?.. Ты не думай ничего такого... Ну, цветы дарит, гулять зовёт, с работы встречает, и всё. С ним легко, ни о чём думать не надо, – он дурак. Знаешь, кто это? Это Колесников.

– Ну и ну! – удивился Служкин. – Ай да Виктор Сергеевич, старая толстая сводня!.. Значит, тут все мужики – твои поклонники?

– Одного я терплю, другого люблю, а без третьего жить не могу...

Сашенька потянулась к Служкину губами, и они долго поцеловались.

– А что Будкин? – напомнил потом Служкин Сашеньке.

– Я не уверена, что он вообще заметил моё присутствие...

На кухне, где они курили, Будкин, хехекая, заявил:

– Врёт она всё, Витус. Она уже напросилась ко мне сегодня на ночь. Вот там и замечу её присутствие. Просто ей пожаловаться охота больше, чем потрахать. Давай задушевничай с ней – тебе же нравится. Это тебе награда за облом с той немочкой.

– Хороша награда: ведь и с Кирой ты уехал, и с Сашенькой ты уйдёшь... А мне что? Я тоже уже большой, в трусах.

– Витус, вот те крест, что у меня с Кирой ничего не было! – испугался Будкин. – Я её только до дому довёз! А что она меня в гости позвала – так ты знаешь, я не пойду, чужой земли мы не хотим ни пяди! И чего ты киснешь – у тебя ведь Надя есть.

– Ладно, иди к чёрту, – махнул на него сигаретой Служкин.

В дверь неожиданно позвонили, и открыл Колесников.

– В чём дело? – услышал Служкин его милицейские интонации. – Кто вы такие? Кого надо? По какому делу? – видимо, в паузах звучали и ответы, не доносящиеся до кухни. Колесников подумал и крикнул: – Виктор, тут к тебе какие-то малолетние преступники пришли.

Глава 22

Отцы

Служкин выбежал в прихожую и увидел в коридоре Деменева, Тютин, Бармина, Овечкина и Чебыкина с гитарой.

– А мы вас поздравить пришли, – улыбаясь, сказал Чебыкин.

– Джастен момент! – крикнул Служкин, вернулся в кухню, схватил колесниковскую бутылку, стопку металлических рюмок и помчался обратно. Со школьниками он поднялся по лестнице вверх на два марша, и там все расселись на ступеньках. Служкин разлил.

– Ну, с днём рождения вас, – солидно сказал Бармин и пригубил вино. Все, кроме Овечкина, выпили.

– Овчину хорошо, – завистливо сказал Тютин, вытирая ладонью рот. – Ему пить нельзя. Он на одной площадке с Розой Борисовной живёт, и мамаша его с ней дружит...

– Чего там сегодня новенького в школе? – спросил Служкин.

– Сушку довели. Она деньги считала, а мы украли с её стола столык. Она целый урок выясняла, кто украл. Так и не нашла.

– А кто украл? – тотчас поинтересовался Служкин.

– Градусов.

– Нафиг? Чего на сто рублей купишь?

– Да просто так, на спор. Ещё сегодня мы химичке в ящик стола дохлую мышь бросили. Только она ящик на уроке не открывала, а то бы мы поржали, как она визжит.

– Мы не так над учителями прикалывались, – пренебрежительно заявил Служкин, снова разливая вино. – Вот, помню, ходила у нас по классу записка: «Это твой носок висит на люстре?» Каждый прочитает и сразу на потолок посмотрит. Наша классная по кличке Чекушка записку отняла, прочитала и сама глазами вверх зырк. Тут мы все и рухнули.

Служкин захохотал над собственным воспоминанием.

– Давайте ещё клюкнем, и я вам расскажу, – распорядился он, и все клюкнули. – Тоже, помню, был какой-то съезд, и у нас в комсомольском уголке повесили ящик с надписью: «Твои вопросы съезду». Через месяц его сняли, а там один-единственный листочек: «А когда в нашей школе откроется мужской туалет на втором этаже?»

Отсмеявшись, все снова приняли по рюмке.

– Ну что, Виктор Сергеевич, в поход-то в мае месяце идём? – спросил Деменев и подмигнул.

– Отцы, блин! – возмутился Служкин. – Ещё полгода до мая, а вы мне уже плешь проели! Сказал «идём» – значит, идём.

– У нас уже половина девятых с вами собирается.

– Я столько не подниму, вы чего? Не агитируйте зря. Только из вашего класса. Остальные пусть вон физрука просят.

– Не-е, все хотят с вами, потому что вы учитель клёвый.

– Раздолбай я клёвый, а учитель из меня, как из колбасы телескоп, – опять разливая вино, честно сообщил Служкин.

– У вас на уроках зыко: и побазарить можно, и приколоться... А на других уроках – только дёрнись. Вас и доводить-то неохота...

– Ну да. Вон Градусов как через силу старается – пот градом.

– Градусов – фигня. Зато к вам на урок, наоборот, двоечники идут, а отличники не хотят. Это потому что вы какой-то особенный учитель, не брынза, как Сушка или там немка...

– Вы Киру Валерьевну не трогайте, – обиделся Служкин. – Не доводите её, она мне нравится.

– А мы видели, как вы с ней гуляли.

– Видели – так помалкивайте. Лучше вон про Градусова говорите...

Отцы понимающе заржали.

– Градусов пообещал вашего кота повесить за то, что вы ему двойку за первую четверть вывели.

– Пятёрки, бывает, я ставлю зря, а двойки – нет. Пусть учит географию, дурак. Я, конечно, понимаю, что никому из вас эта география никуда не упирается, да и устаревает моментально... Однако надо. А Градусова я и сам повешу за... Ну, узнает, когда повешу.

– Он, Виктор Сергеевич, про вас песню сочинил. Ругательную.

– Ну-ка, отцы, давайте, наяривайте.

Чебыкин перетащил гитару со спины на живот, заиграл и запел на мотив старого шлягера «Миллион роз»:

Жил-был Географ один,
Карту имел и глобус.
Но он детей не любил,
Тех, что не метили в вуз.
Он их чуханил всегда,
Ставил им двойки за всё,
Был потому что глиста,
Старый вонючий козёл...

Служкин хохотал так, что чуть не упал с лестницы.

– А вы, говорят, Виктор Сергеевич, тоже песни сочиняете?

– Кто говорит?

– Машка Большакова из «а» класса, – сознался Овечкин.

– Спойте нам песню, – жалобно попросил Тютин.

– За мах, – согласился Служкин. – Я пьяный, мне пофиг.

Он взял у Чебыкина гитару, забренчал без склада и ладу и надрывно завопил на весь подъезд:

Когда к нам в Россию поляки пришли,
Крестьяне, конечно, спужались.
Нашёлся предатель всей русской земли,
Ивашкой Сусаниным звали.
За литр самогону продался врагу
И тут же нажрался халявы.
Решил провести иноземцев в Москву
И лесом повёл глухотным.
Идут супостаты, не видно ни зги,
И жрать захотелось до боли,
И видят: Сусанин им пудрит мозги,
Дорогу забыл, алкоголик.
От литра Сусанин совсем окосел.
Поляки совсем осерчали,
Схватились за сабли и с криком «Пся крев!»
На части его порубали.

Но выйти из леса уже не могли,
Обратно дорога забыта,
И, прокляв предателя русской земли,
Откинули дружно копыта.

От служкинских воплей в подъезд вышла Надя.

– Ты что, с ума сошёл? – спросила она. – Молодые люди, как вам не стыдно пьянствовать с ним? Ладно – он, он ни трезвый, ни пьяный не соображает, чего можно, а чего нельзя учителю. Но вы-то должны понимать, чего можно, а чего нельзя ученикам!..

– Всё-всё, Надя, – торопливо поднялся Служкин. – Дома разберёмся... – он пошёл вниз, оглянулся и подмигнул: – Спасибо, что поздравили, отцы. А сейчас мне задницу на британский флаг порвут. Пока!

– Нашёл с кем дружить! – с невыразимым презрением сказала Надя в прихожей, запирая дверь.

– Бог, когда людей создавал, тоже не выбирал материала, – мрачно отозвался Служкин.

Глава 23

Тёмная ночь

– Вовка, я с Шурупом домой пошла! – громко объявила Ветка. – Ты оставайся, если хочешь, а меня Витька проводит. Надя, отпустишь его?..

Надя фыркнула.

Шуруп был усталый и сонный, молчал, тяжело вздыхал. На улице Служкин взял его за руку. Тьма была прозрачной от свечения снега.

– Представляешь, Ветка, я недавно одной своей ученице рассказывал историю нашего выпускного романа, – неожиданно признался Служкин. – Приврал, конечно, с три короба... Она затащилась, а мне грустно стало. Давай как-нибудь съездим снова на ту пристань?

– Зачем в такую даль ехать, когда и дома можно?

– Дура ты, – огорчился Служкин.

Они по заснеженным тротуарам тихонько дошли до клуба, и тут Служкин обнаружил, что забыл дома сигареты.

– Блин, Ветка, – пробормотал он. – Можно я до киоска сгоняю?..

– Сгоняй, – согласилась Ветка. – Только недолго. Я жду тебя дома.

Служкин побежал по улице, оставив Ветку с Шурупом, обогнул здание клуба и углубился в парк, который все называли Грачевником. Фонари здесь не светили, и Служкин сбавил ход до шага. В Грачевнике стояла морозная чёрная тишина, чуть приподнятая над землёй белизной снега. Тучи над соснами размело ветром, и кроны казались голубыми, стеклянными. Дьявольское, inferнальное небо было как вспоротое брюхо, и зелёной электрической болью в нём горели звёзды, как оборванные нервы. Служкин свернул с тропы и побрёл по мелкой целине, задрав голову. Ноги вынесли его к старым качелям. В ночной ноябрьской жути качели выглядели как пыточный инструмент. Смахнув перчаткой снег с сиденья, Служкин взобрался на него и ухватился руками за длинные штанги, будто за верёвки колоколов.

Качели заскрипели, поехав над землёй. Служкин приседал, раскачиваясь всем телом и двигая качели. Полы его плаща зашелестели, разворачиваясь. Снег вокруг взвихрился, белым пуделем заметался вслед размахам. Служкин раскачивался всё сильнее и сильнее, то взлетая лицом к небу, то всей грудью возносясь над землёй, точно твердь его не притягивала, а отталкивала. Небосвод, как гигантский искрящийся диск, тоже зашатался на оси. Звёзды пересыпались из стороны в сторону, оставляя светящиеся царапины. Со свистом и визгом ржавых шарниров Служкин носился в орбите качелей – искра жизни в маятнике вечного мирового времени. Разжав пальцы в верхней точке виража, он спрыгнул с качелей, пронёсся над кустами, словно чёрная страшная птица, и грянулся в снег.

Кряхтя и охая, он поднялся и поковылял дальше. Опустевшие качели, качаясь по инерции, стонали посреди пустого ночного парка.

Служкин выбрался к автобусной остановке и прилип к киоску.

– Бутылку водки, и откройте сразу – как пиво, заказал он.

Он сунул в окошко деньги и вытащил бутылку.

– Палёная? – спросил он и приложился к горлышку.

– Настоящая, – соврали из окошка. – Закусить надо?

– После первой не закусываю, – сказал Служкин и пошёл прочь.

Возле подъезда Ветки он долго шурил глаза и считал пальцем окна. Свет у Ветки не горел. Ветка не дождалась его и легла спать.

В Веткинском подъезде Служкин сел на лестницу и начал пить водку. Постепенно он опростал почти полбутылки. Сидеть ему надоело, он встал и пошёл на улицу.

Потом началось что-то странное. Бутылка утерялась, зато откуда-то появились так и не купленные сигареты. Какая-то мелкая шпана за сигарету платы пыталась перетащить Служкина через какой-то бетонный забор, но так и не смогла. Потом Служкин умывался ледяной водой на ключике, чтобы привести себя в чувство. Потом у бани пил какой-то портвейн с каким-то подозрительным типом. Потом спал на скамейке. Потом на какой-то стройке свалился в котлован и долго блуждал впотьмах в недрах возведённого фундамента, пытаясь найти выход. Выбрался оттуда он грязный, как свинья, и почти сразу же рядом с ним остановился милицейский «уазик».

Служкин пришёл в себя только в ярко освещённом помещении отделения милиции.

– Ой! – испуганно сказал он. – Где я? В вытрезвителе, что ли?..

– Сидеть! – заорал на него через стойку сержант.

Служкин присмирел, озираясь, и потрогал физиономию – цела ли? Из коридора напротив донёлся рёв и пьяный мат. Одна из дверей распахнулась, и наружу вывалился мужик в расстёгнутой рубашке и трусах. Ему выкручивал руку второй милиционер.

– Хазин, помоги уложить! – закричал он.

– Убью, если пошевелишься! – пообещал сержант Служкину и с дубинкой побежал на помощь коллеге.

Едва оба милиционера заволокли мужика в комнату, Служкин метнулся к телефону на стойке и набрал номер Будкина.

– Будкин, это Служкин, – быстро сказал он. – Выручай, я в трезвяке!..

Вернулся сержант Хазин, сел, подозрительно ощупал Служкина взглядом и начал скучно допрашивать, записывая ответы. Изображая предупредительность, Служкин отвечал охотно и многословно, но всё врал.

Минуть через пятнадцать в отделение решительно вступил Будкин. Он уверенно пошагал сразу к стойке. Его расстегнутый плащ летел ему вслед страшно и грозно, как чапаевская бурка. Служкин дёрнулся навстречу Будкину, и Будкин одновременно с сержантом свирепо рывкнул:

– Сидеть!

– У вас, значит, этот голубь, – проговорил Будкин, по-хозяйски опираясь на стойку. – А я ишу его который час... Какие с ним будут формальности?

Не меньше получаса прошло, пока Будкин заполнял какие-то бланки и расплачивался. Наконец он грубо подхватил Служкина под мышку и потащил на выход, прошипев краем рта:

– Ногами скорее шевели, идиот!..

От милицкого подъезда они дунули к ближайшей подворотне.

– Ты чего, в ментовке бомбу заложил?.. – задыхаясь, спросил Служкин.

– Быстрее надо было, пока этот сержант меня не вспомнил, – пояснил Будкин и хехекнул: – Я в школе у него два года в сортире мелочь вытрясал... А ты где пропадал? Почему грязный такой? Надька мне уже сто раз звонила. Чего ты бесишься-то, Витус?

– Я не бесюсь... не бешусь... Короче, всё ништяк.

– Да-а... – Будкин закурил, печально рассматривая Служкина. – Вот сейчас тебе и будет ништяк...

– А у тебя нельзя отсидеться? – робко спросил Служкин.

– У меня негде. Там сейчас Рунёва с Колесниковым.

– Нифига себе! – удивился Служкин. – А чего они делают?

– Чего ты с Веткой делал? Торпеду полировал. Вот и они тоже.

– А ты чего?..

– Чо-чо, – хехекнув, передразнил Будкин. – Варю суп харчо. Пусть трахаются, палас не протрут. Пойдём лучше пиво пить. Угощаю.

Только на рассвете Служкин позвонил в свою дверь. Ему открыла осунувшаяся Надя и посторонилась, пропуская в прихожую.

– Это я, твой пупсик, – беспомощно сказал Служкин.

– Ну что, удовлетворила тебя Ветка как женщина? – поинтересовалась Надя, недобро сощурившись.

– Нет... – виновато сознался Служкин.

– Жаль, что квартира твоя, и я не могу тебя выгнать... Я надеюсь, что сегодня твой день рождения уже кончился?

– Кончился, – покорно согласился Служкин.

– Ну и у меня с тобой всё кончилось, – спокойно заявила Надя и с размаха съездила ему по скуле.

Глава 24 В тени великой смерти

День первый

К школьному крыльцу Витька выскакивает из тесного куста сирени, бречащие костяные ветки которого покрыты ноябрьским инеем. Конечно, никто не рассчитывает, что Витька прорвётся сквозь палисад, и в запасе у него остаётся ещё секунда. Короткой очередью он срубает американского наёмника у входа и через две ступеньки взлетает на крыльцо. Двери – огромные и тугие, их всегда приходится вытягивать, как корни сорняков. За дверями, естественно, тоже притаились десантники, но Витька не даёт им и шевельнуться. Свалив с плеча гранатомёт, он шарахает прямо в жёлтые деревянные квадраты. Воющее облако огня уносится вглубь здания, открывая дорогу.

Одним махом Витька оказывается внутри школы. Два выстрела по раздевалкам, и за решётками полчищами ворон взлетают пальто и куртки. Потом еще три выстрела: по директорскому кабинету, по группе продлённого дня и по врачихе. Затем Витька очередью подметает коридор и мимо сорванных с петель дверей бежит к лестнице.

Американца на площадке Витька ударяет ногой в живот. Тот кричит и катится вниз по ступенькам. Ещё один лестничный марш, и по проходу ему навстречу несутся солдаты. Витька долго строчит из своего верного АКМ, пока последний из наёмников, хрипя, не сползает по стене, цепляясь за стенд «Комсомольская жизнь».

Из коридора с воплями «ура!»... м-м, нет... «банзай!»... м-м, ну, просто с воплями выскакивают американцы. Двоих Витька отключает прикладом автомата, третьего ногой, четвёртого башкой в живот, пятому ребром ладони ломает шею, шестому мечет в грудь сапёрную лопатку, которая вонзается по самый черенок.

Вылетая за угол, Витька открывает ураганный огонь и бежит вперёд. Классы, классы, комсомольский уголок, учительская, лестница...

Витька стал замедляться. Дверь кабинета номер девятнадцать, номер двадцать, двадцать один, двадцать два... Витька затормозил. Двадцать три. Кабинет русского языка и литературы.

Хорошо, что родители уехали в командировку. До школы можно идти без куртки. Так, галстук заправить, вечно он вылезает на пиджак. Волосы пригладить. Дыхание успокоить. Ботинки грязные – вытереть их мешком со сменной обувью. Сам мешок повесить на портфель чистой стороной наружу так, чтобы закрыть надпись «Адидас», сделанную шариковой ручкой на клапане портфеля. Ну, вроде всё.

Витька помедлил. Очень он не любил этого – быть виноватым перед Чекушкой. Ну и наплевать. Он осторожно постучал, открыл дверь кабинета, вошёл, цепляясь мешком за косяк, и, ни на чём не останавливая взгляда, уныло сказал:

– Ирида Антоновна, извините за опоздание...

Чекушка стояла у доски, держа в руках портрет Гоголя. Она была похожа на башню: огромная, высоченная женщина с розовым лицом, ярко накрашенными губами и крутыми бровями. С плеч у неё свисала жёлтая сетчатая шаль. На голове лежала тугая коса, свёрнутая в корону. Когда Чекушка говорила о писателях, голос её, словно от восхищения, был всегда тих и медлен, и смотрела Чекушка вверх. Фамилия у неё была Чекакина.

При появлении Витьки лицо у Чекушки стало таким, будто Витька в сотый раз допустил ошибку в одном и том же слове.

– Ты почему опоздал? – спросила Чекушка, опуская портрет.

Витька, вздохнув, уставился в окно.

– Вы не понимаете, как сложно вести урок в таком классе, как ваш! – Чекушка взглядом встряхнула Витьку. – Вы заставляете меня делать столько ненужной работы! Я как педагог, прежде чем начать объяснение нового материала, по пять-десять минут трачу на то, чтобы сконцентрировать ваше внимание, а потом являешься ты, и все мы вынуждены начинать сначала. Ты не мне, не себе – своим товарищам вредишь, я вам уже тысячу раз это говорила. Ладно, не нужны тебе Пушкин, Лермонтов, Гоголь, не нужны они Соколову, Тухметдинову, Лисовскому – их и так в ПТУ возьмут. Но ведь есть и умненькие ребята. И они вам не скажут, но подумают: вот благодаря кому я чувствую, что подготовлен к поступлению в вуз слабее, хуже, чем мои друзья. Короче, Служкин, садись на место, а дневник мне на стол. И запомните все: если опоздал больше чем на пять минут – в кабинет даже не стучитесь.

Витька задом пододвинул по скамейке как всегда рассеявшегося Пашку Сусекина по кличке Фундамент, поставил на колени портфель и, затаив дыхание, с превеликой осторожностью открыл замок. Чекушка не любила, когда на уроке щёлкают замками и шлёпают учебниками об стол. Ещё она не любила, когда портфели кладут на столешницы, окрашенные родительским комитетом, на которых от этого остаются чёрные следы. Достав книги и тетради, Витька сунул портфель под ноги. Чекушка не разрешала ставить портфели в проход снаружки у парт. Объясняя, она всегда прогуливалась между рядов и могла споткнуться.

– Витус, ты геометрию сделал? – шёпотом спросил Фундамент.

– У Петрова скатал, – ответил Витька.

– Дай...

– Служкин, Сусекин! – оборвала их Чекушка.

Хмыкнув, Витька открыл учебник и нашёл нужную страницу. Там была фотография «В. В. Маяковский на выставке “20 лет работы”». Здоровенный Маяковский, улыбаясь и скрестив руки на стыдном месте, разговаривал с пионерами на фоне плакатов, где были изображены разные уродливые человечки. Взяв ручку, Витька принялся разрисовывать фотографию: одел Маяковского в камзол и треуголку, а пионеров – в папахи, ватники и пулемётные ленты. Внизу Витька подписал: «Встреча Наполеона с красными партизанами».

Таковыми переработками сюжетов Витька испакостил весь учебник. Даже на чистой белой обложке, где строго синел овал с портретом Горького, Витька приделал к голове недостающее тело, поставил по бокам бурлаков в лямках, а на дальнем плане изобразил барку.

Рисуя, Витька внимательно слушал Чекушку. Ему было интересно. Когда Фундамент отвлекал его, Витька не отвечал и лишь пинал Фундамента ногой под партой. Очень не любя классную руководительницу, Витька тем не менее в душе её уважал. Почему так получалось, он понимал с трудом. Корни ненависти отыскать было проще. Видно, Витька, как и все, уважал Чекушку за то, что она была центром мира. Если он был свободен, то свободен от Чекушки. Если тяготился – то благодаря ей. Если кто-нибудь был хорошим человеком – то лучше Чекушки. Если плохим – то хуже. Чекушка была точкой отсчёта жизни.

У доски маялся Серёга Клюкин. Чекушка с каменным лицом сидела за своим столом и не оборачивалась на Серёгу. С видом человека, кидающего утопающему соломинку за соломинкой, она задавала ему вопросы. Ответов Клюкин, разумеется, не знал. Он криво улыбался, бодрился, подавал кому-то какие-то знаки, делал угрожающие гримасы и беззвучно плевал Чекушке на голову в корону из кос, прозванную «вороньим гнездом».

– Понятно, садись, – сказала Чекушка Серёге и придвинула его дневник. Клюкин постоял за её плечом, глядя, как она выводит двойку, забрал дневник и, махая им, отправился

на свое место. По пути он шлёпнул дневником по голове отличника Сметанина. Чекушка тем временем написала что-то в Витькином дневнике и перебросила его на первую парту Свете Щегловой.

– Служкину, – велела она. – Посмотрим, как остальные выполнили домашнее задание. Рядовые, проверьте тетради.

Витька отпихнул дневник на край парты, демонстративно не интересуясь тем, что там написано. Раскрыв перед собой тетрадь, он откинулся на спинку скамейки и стал рассматривать стенды по стенам. Слева от доски висел стенд «Партия о литературе», справа – «Чтение – это труд и творчество». Затем вдоль ряда: «Сегодня на уроке», «Советуем почитать», «Классный уголок», «Читательский дневник», «В вашу записную книжку». На задней стене – «Поэты родного края» и «Возвращаясь к любимым книгам», а посередине – огромный планшет «Литературный клуб “Бригантина”» с эмблемой и девизом. Под потолок уходили портреты классиков вперемешку с их цитатами. Всё это было знакомо Витьке почти до замысленности. На базе своего класса Чекушка организовала литературный клуб «Бригантина». Основу его составляла так называемая «творческая группа». Пока Витька числился в ней, он ежемесячно менял экспозиции на стендах. А потом в кабинете математики на парте Витька нарисовал первый выпуск настольной газеты «Двоечник», и Чекушка на пионерском собрании выгнала его из «творческой группы». Витька этим очень гордился.

Между тем рядовые уже просмотрели тетради. Рядовых назначала лично Чекушка. Они были обязаны каждый на своём ряду проверить, сделано ли домашнее задание.

– У Горшкова и Сусекина нету, – сказала Света Щеглова.

– У Тухметдинова и Лисовского, – сказала Лена Анфимова.

– У Амировой, Назарова и Забуги, – сказала Наташа Соловьева.

– Дневники на стол, – велела Чекушка, – а сами встаньте к «стене позора».

«Стеной позора» называлась в кабинете длинная стена, у которой те, кто не выполнил домашнее задание, проводили время от своего разоблачения до звонка.

– Пусти, – пихнул Витьку Фундамент и вылез из-за парты.

На столе у Чекушки выросла стопка чистых белых дневников в обложках. Все они были подписаны красивым почерком Лены Анфимовой: так распорядилась Чекушка. В начале каждой четверти она устраивала очень долгие классные часы, когда на всю четверть заполнялось расписание. Дни получали свои даты, и страницы уже нельзя было вырвать.

Двоечники выстроились и привалились к «стене позора», окрашенной в зелёный цвет. Кто привычно уставился в окно, кто на картинки, кто в пол. Витька оглянулся на них и злобно сделал неприличный жест. Двоечники стали украдкой показывать ему кулаки.

– Сусекин, где обложка с дневника? – спросила Чекушка.

Обложка валялась на парте. Фундамент стащил её, потому что через трафарет на ней было написано: «При пожаре и стихийных бедствиях не трогать!»

Витька перевёл взгляд с двоечников на Леночку Анфимову. Леночка была самой красивой девочкой в классе. Кроме того, единственная из класса, она состояла в общешкольном звене барабанщиков. На линейках она иногда выносила знамя школьной пионерской дружины: в белых колготках, в синей короткой юбочке, в белой рубашке с погончиками и в белых бантах, в алом галстуке и алой пилотке, с красно-золотой лентой через плечо и в белых перчатках. Флаг над ней был тяжёлым, багряным, сонным. Бархат его тускло переливался. Увесистые золотые кисти покачивались. Серебряное острие на кончике флаштока ослепительно блестело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.